

Наша девочка

Автор:

Маша Трауб

Наша девочка

Маша Трауб

Самые большие радости и горести случаются в детстве. Самая несчастная любовь переживается в отрочестве. Только тогда происходит все самое-самое – если дружба, то на всю жизнь, если расставание, то навеки. Эта история о самом важном в жизни – о детстве.

Маша Трауб

Маша Трауб

Наша девочка

© Трауб М., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2015

* * *

– Стой здесь, никуда не уходи, – сказала мне тетя Зина и побежала к зданию вокзала.

Я покрутила головой: – крошечный перрон, цветы на клумбе и дети, мои ровесники, которые пронеслись вниз, к рельсам.

Выждав еще две минуты, я пошла за ними.

– Ты кто такая? – спросил меня строго один из мальчиков.

– Я только приехала. А что вы делаете?

– Иди отсюда, – сказал он, что-то сосредоточенно выкладывая на рельсы.

– Пусть останется, – вступилась за меня девочка, – ты же никому не расскажешь?

– Не расскажу.

– Сейчас поезд поедет, – объяснила девочка, – и взрывы будут, как салют. Это пистоны.

Мальчик оставил на рельсах несколько лент с черными точками, и вся компания кинулась врассыпную. Я осталась на месте. Через минуту с гудением, от которого закладывало уши, прошел состав. Всего один вагон. И тут же раздался грохот.

– Я вот прямо сейчас выйду! И такое будет! Даже не знаю, что я сделаю! Вот в руках себя совсем не держу! Я вам головы оторву! Нет! Я вам другое место оторву! Нет! Я вам ничего отрывать не буду! Пусть вам будет стыдно! – кричал из окна машинист, высунувшись по пояс. – А ты что стоишь? Совсем стыда нет? Ты девочка или преступник? Что твой отец скажет? Скажет, что у него дочь – преступник? Почему ты стоишь? Вот иди сюда, я с тобой поговорю! Нет! Это я к тебе сейчас выйду! Назад поеду и выйду! Ты думаешь, у меня других дел нет? У меня столько дел! Но я себе еще одно дело сделаю – поговорю с твоим отцом! Нет, я с твоей матерью поговорю! Как она тебя воспитывает? Где ее глаза, что ее дочь так себя ведет!

Поезд, пышущий жаром, медленно удалялся. Машинист продолжал что-то кричать. Я так и застыла на месте. Мой белый сарафан покрылся ровным слоем сажи и пыли.

- Ну как, здорово? Слышала салют? - выскочила из кустов девочка.

- Это не салют. Салют в небе, - ответила я, - это просто хлопки.

- Где ты в небе хлопки видела? Врешь! - подошел мальчик.

- Не вру. Салют - это как в калейдоскопе, много разных огней. Они как шар в небе и рассыпаются дождем.

- Ух ты! - восхитилась девочка.

- Пойдем отсюда, - сказал ей мальчик.

- У тебя сарафан испачкался, - с тревогой сказала мне девочка. - Ругать будут.

- Не будут, - ответила я и пошла назад, на перрон. Мальчик с девочкой перепрыгнули через рельсы и скрылись в кустах.

В этот момент вернулась тетя Зина и даже не заметила моего грязного сарафана.

- Придется пешком. По рельсам, говорят, ближе. Дорогу я узнала. За что мне наказание такое? Вот захочешь сделать доброе дело, так никакой благодарности не жди. Одни мучения.

Тетка была недовольна. От жары она вся взмокла, пот струился по лицу. Мне было противно. Хорошо, что она не брала меня за руку. У тети Зины были страшные руки - красные, отекавшие, с пальцами-сардельками, перетянутыми золотыми кольцами.

Я всегда сначала смотрела на руки. По рукам сразу все понятно. Тетя Зина была такой же, как ее руки, - толстой злой сарделькой, которая могла говорить только о деньгах и своих болячках. А еще о том, какая она добрая и сердечная. Руки в это время теребили кольца. Тетка носила сразу четыре украшения - на одной руке кольца были надеты на один палец, получалась пирамидка. А у девочки, которая со мной говорила, были красивые руки. Я это сразу

заметила. Длинные пальцы и маленькая ладонь.

Если честно, мне было все равно, куда идти, лишь бы побыстрее избавиться от тети Зины, которой я, по ее словам, должна быть благодарна. Мне не хотелось быть ей благодарной.

Едва мы сошли с перрона, к нам подскочила маленькая девочка, которая начала просить милостыню. Девочке на вид было лет шесть, но глаза – как у взрослой женщины. Настороженный взгляд. Она кинулась к тете Зине, повисла на ее ноге, как обезьянка, не давая ступить ни шагу.

– А ну, пошла вон, попрошайка, – отбрыкивалась от нее тетя Зина, – цыганка приставучая! Пошла вон, я сказала!

Девочка вцепилась в ногу женщине и не ослабляла хватку.

– Дайте ей что-нибудь, – попросила я тетю Зину. Девочка висела на теткиной ноге, но смотрела на меня. Мне показалось, что она даже улыбается.

– Вот еще! Этим только дай! – тетя Зина дернула ногой и наконец отпихнула девочку в сторону. Та схватилась за живот и скорчилась от боли.

– Зачем вы так? – закричала я. – Ей же больно! Дайте ей денег! У вас же есть!

– Будешь орать, оставлю тебя здесь. Пусть тебя цыгане заберут! Побираться научат! – рявкнула на меня тетя Зина.

Девочка, глядя на меня, погладила себя по голове – этот жест означал, что она меня жалеет. Тетка прикрикнула на нее, и девочка убежала. Я заплакала. В тот момент я бы предпочла убежать вместе с этой маленькой цыганкой, чем остаться с теткой.

Тетя Зина должна была отвезти меня к бабушке. Как сопровождающая. Мама никак не могла со мной поехать – у нее была командировка, и она заплатила тете Зине, чтобы та за мной присмотрела. В принципе, этой женщине было по дороге, да и денег мама дала ей много – тетка распихивала купюры по лифчику. У тети Зины в лифчике хранилось много ценностей, благо размер

бюста позволял. Она прятала в декольте крестик на золотой цепочке, под левой грудью у нее лежали золотые сережки, под правой – документы и деньги. Если бы у тети Зины было такое желание, она бы и продукты в лифчик запихнула – мама выдала ей в дорогу палку салями и конфеты. Считалось, что для меня. Но моя сопровождающая за неполные трое суток, что мы провели в дороге, в одном купе, так и не нашла в себе моральных сил расстаться с колбасой и шоколадными конфетами.

– Ох, что твоя мать тебе дала? От конфет ты останешься без зубов, а колбаса детям вообще вредна. Только если не докторская, жареная. Если пожарить, тогда весь вред уйдет. Ты разве не знала?

При посторонних людях, особенно при проводнице, тетя Зина прижимала меня к своей необъятной груди и называла «сиротинушкой», которую ей подкинула судьба. Значит, так надо. Значит, она, Зина, должна обо мне позаботиться. Хотя и чужая тетка. Раз родные не могут, то что же – разве бросишь ребенка на произвол судьбы? Проводница и люди умилялись, называли тетю Зину святой и говорили, что сейчас мало таких женщин осталось – сердобольных, заботливых, честных. Про деньги, которые тетя Зина получила за свою сердобольность, она как-то не вспоминала. На вторые сутки я ее просто возненавидела. Наличность, которую мама выдала тетке на мое питание, она сэкономила. Я так мечтала хоть раз поесть из кастрюлек, которые приносили из вагона-ресторана. Они так вкусно пахли! Но тетя Зина покупала мне на станции пирожки и лимонад, продолжая считать себя святой.

– Я и мечтать о таком не могла в детстве, – повторяла она.

Чтобы не сидеть в купе и не слушать про тети-Зинину доброту, я болталась в коридоре, хлопала откидными сиденьями, смотрела в окно. Проводница считала меня неблагодарной и капризной девицей. И все время делала замечания – то мешаю людям ходить, то обрываю занавески, то громко хлопаю сидушками, то надолго занимаю туалет. Последнее было правдой, а не придиркой – я закрывалась в туалете и плакала. Иногда я выходила в тамбур и перепрыгивала по гудящему и скользящему перекрытию в другой вагон. Туда-сюда. Мне было страшно до жути, но я продолжала перескакивать. Мысленно я представляла себе, как убегаю от тети Зины, и вспоминала книжки и фильмы, в которых герои лихо бегают по крышам вагонов, спрыгивают в траву, перекатываются по земле и остаются живыми и невредимыми. Мне хотелось так же – сбежать от этой мерзкой тетки, которая обманула мою маму

и обманывает сейчас попутчиков. Мне хотелось выкрикнуть, что никакая она не святая, не добрая, а, наоборот, злая. И она обещала моей маме кормить меня в вагоне-ресторане. А вместо этого прикарманила, или, вернее сказать, пригрудила, наши с мамой деньги. Тетя Зина была жадной. Она заставляла меня допивать всю газировку и доедать уже засохшие пирожки.

– Вот как ты к еде относишься! – поучала меня тетка. – Кормишь тебя, поишь, заботишься, а что в ответ? Ты нос от еды воротишь! И сидишь с кислым лицом! Хоть бы спасибо сказала! Вот откуда такие дети берутся? А все потому, что их родителям нет до собственных детей никакого дела! Подбросят чужим и свободны! Пусть другие воспитывают!

Иногда я стояла напротив соседнего купе и наблюдала за людьми, которые лежат на полках, читают газеты. Мне давали то конфетку, то вареное яйцо, то ягоды, купленные на станции. Одна женщина угостила меня холодной куриной ножкой, которую я ела стоя, обглаживая косточку. И тетя Зина меня застучала за этим занятием. Как она кричала! Я хожу попрошайничаю, когда она с ног сбилась – чем меня накормить. И какая я дурная и мерзкая, раз так позорю ее перед чужими людьми. Тетя Зина рассказала женщине про то, что родная мать меня бросила, а она, Зина, везет «сироту» к бабушке. Взясась помочь и уже сколько дней не спит – волнуется. Ведь не свой, чужой ребенок, за которым глаза да глаза нужен. За своим столько смотреть не будешь, сколько за чужим. И она уже всякий покой потеряла. Все нервы я ей истрепала своим отвратительным поведением. Вон, и проводница подтвердит. Женщина сокрушенно кивала – да, бывают же такие матери.

Я хотела крикнуть, что моя мама меня не бросала, а тетя Зина – лгунья, но не смогла, промолчала. Еще я боялась, что если скажу что-то плохое, то тетя Зина вообще перестанет меня кормить. Или отвезет не к бабушке, а в другое место. И вообще высадит на ближайшей станции и бросит. Она все время грозила это сделать.

– Еще одна выходка, и я выкину тебя на станции, – говорила она, – и совесть моя будет чиста. Я на такое не подписывалась. Вот вместе с чемоданом тебя и выкину.

Мне нравилось лежать на верхней полке и смотреть в окно, а тетя Зина говорила, что я ногами поднимаю пыль, которая летит на стол с продуктами. Я лежала смирно, не шелохнувшись, но тетка все равно кричала, что я напылила

на помидоры или в чай.

К концу вторых суток – поезд до деревни, где жила моя бабушка, шел почти трое – тетя Зина уже не хотела быть святой. Она превратилась в страдальницу и жаловалась на жизнь. Она ехала к сыну, а вот вынуждена заниматься мной. И потеряет столько времени! А сын у нее такой замечательный, такой умный. Надежда и опора, не то что эти девчонки – выскочат замуж или в подоле принесут, вот и вся от них благодарность. А сын никогда мать не бросит. Только меня же нужно еще до бабки довести. Поди знай, сколько времени на меня еще уйдет.

Я уже вполне бойко перескакивала из вагона в вагон и много времени проводила в купе проводницы – помогала ей раскладывать билеты по ячейкам, пересчитывать белье и наливать чай. Проводница на вторые сутки поняла, что я хожу все время голодная, тетка врет напропалую, и сменила гнев на милость. Особенно после того, как увидела меня заплаканной, когда я выходила из туалета. Да и проводницу тетя Зина достала – обвиняла, что та за белье берет больше, чем надо, а сахара к чаю недокладывает. Уж она, Зина, точно знает – сколько уж ездит. Все проводницы одним миром мазаны – где могут, украдут. А если не украдут, так испортят. Вон, белье серое специально подкладывает, пододеяльник весь в пятнах. Из-за жадности тетка нажила себе врага. Она брала три стакана чая, а заплатить хотела за два.

– Да подавись ты этим чаем, хабалка! – воскликнула проводница, забрала меня из коридора и поселила в своем купе. Мне нравился бойлер, который должен был быть всегда горячим, и нравилось, что у проводницы в купе можно смотреть в окно. Главное, что там не было тети Зины.

– Ох, бедная ты девочка. Где ж были глаза у твоей матери, что она тебя этой Зинке доверила? На вот, ешь. – Проводница выставляла передо мной маленькие кастрюльки из вагона-ресторана.

В свое купе я возвращалась поздно вечером, и тетя Зина немедленно принималась причитать – что я шляюсь по чужим купе и вырасту шалавой. Другого будущего у меня быть не может.

К концу нашего путешествия тетя Зина извела уже не только меня и проводницу, но и соседей по купе.

- А если ее никто не ждет? - причитала она. - А если адрес неверный? Что ж мне, на себя такую ответственность брать? Я не возьму! Нашли дурочку! Где мне там ее родственников искать? У меня поезд через два часа. Мне к сыну надо! Вот что за мать такая? Бросила ребенка и поминай как звали! Бумажку сунула и хвостом махнула. Еще вопрос, что там за командировка такая. Наверняка к мужику упорхнула, а дочку спланила, чтобы под ногами не мешалась.

И тут я не выдержала. Двое с половиной суток я молчала и терпела из последних сил. Я смотрела в пол и заставляла себя молчать, не отвечать этой ведьме. А тетя Зина стала для меня настоящей ведьмой - злой и алчной.

- Не говорите так, - сказала я тихо.

- Что ты говоришь? - Тетя Зина не привыкла, чтобы я подавала голос.

- Не говорите так о моей маме, - повторила я.

- Вот нахалка малолетняя! Это ж где видано, чтобы за доброту так платили? - Тетя Зина пошла пятнами, ее большая грудь заколыхалась.

- Вы врете. А врать - плохо.

Попутчики, которые ехали с нами, молчали. Тетя Зина, к моему удивлению, не стала развивать тему, а тоже притихла, хотя внутри у нее все клочкотало. Я боялась, что она меня из поезда выбросит, и такой реакции никак не ожидала. Оставшиеся часы мы провели в гробовом молчании, что было счастьем. На меня вдруг навалились апатия и усталость. Если первые сутки я все время плакала, прыгая между вагонами или запираясь в туалете, то сейчас даже плакать не могла. Вторые сутки мне было страшно - что со мной будет, куда меня везет тетя Зина? Сейчас и страх прошел, уступив место покорности судьбе. Я уже немного себя знала - что могу не есть, могу есть то, что мне не нравится, умею молчать, сдерживаться, умею общаться с другими людьми. Еще я поверила в судьбу. Ведь если бы судьба хотела, чтобы я умерла, она могла бы это сделать сто раз - когда я прыгала между вагонами. А вместо этого она послала мне проводницу, которая кормила меня супом и котлетами, и других добрых людей.

Наконец мы подъехали к нашей станции. Стоянка – две минуты. Тетя Зина за сорок минут до прибытия вытащила мой чемодан в проход и замерла с видом оскорбленной статуи.

– Иди, посиди у меня, – предложила мне проводница.

– Нет, пусть стоит, – грозно велела тетя Зина, и я вынуждена была подчиниться.

Перед самой станцией проводница сунула мне в руки пакет. Судя по запаху, там была еда.

– Пусть тебя Бог хранит. – Она меня перекрестила и пошла по вагону объявлять остановку.

Не знаю, кто меня хранил тогда, но я была уверена, что мама.

Тетя Зина выбросила мой чемодан на перрон еще до того, как поезд остановился. Свою сумку она крепко прижимала к груди.

Мы спустились по ступенькам, и поезд почти тотчас же тронулся.

– Ну, и куда дальше? – Тетя Зина была раздражена. Ей больше не нужно было притворяться перед попутчиками. Она вглядывалась в бумажку, которую ей дала мама, – на листке был записан адрес. – И зачем я на это согласилась? Неблагодарная ты тварь. Позорила меня перед людьми. И мать твоя... вот молодец... нагуляла тебя... а потом скинула...

Я начала закипать. Мне тоже теперь не нужно было сдерживаться. Мы остались с тетей Зиной один на один.

– Наказание на мою голову... – причитала тетя Зина, оглядываясь по сторонам.

– За которое вы получили деньги, – ответила я.

– Да какие там деньги? Что ты такое говоришь? Вот ведь мерзавка! Да твоя мать три рубля на все про все выдала! – заверещала тетя Зина. – Да я все на тебя

и потратила! Себе в убыток!

- Вы врете. Мама дала вам много. Я все ей расскажу, она вас найдет и сдаст в милицию за то, что вы деньги украли, - сказала твердо я.

- Да я тебя сейчас придушу как котенка за такие слова! - завопила тетя Зина и кинулась ко мне, собираясь то ли душить, то ли дать подзатыльник.

- Эй, дамочка, вы чего тут раскричались? - услышала я за своей спиной незнакомый женский голос.

- А тебе какое дело? - Тетя Зина ответила резко и грубо. - Иди, куда шла!

- Да пошла бы, только разговор ваш услышала, - спокойно ответила женщина, подходя к нам.

Тут я немного запаниковала. Женщина была в платке, надвинутом на глаза. Она была больше похожа на ведьму, чем тетя Зина. К тому же у нее в руках была клюка, на которую она опиралась.

- Не твое дело, старуха! - Тетка вскинула голову. - Не лезь, куда не просят.

- Да не могу не лезть. - Женщина остановилась и принялась внимательно меня разглядывать. - Очень я любопытная по натуре. Лезу, куда не просят. Старуха, говорите. Ладно, пусть буду старухой.

- Так, пошли. - Тетя Зина дернула меня так, что чуть руку не вывихнула. Я ойкнула от неожиданности и резкой боли.

- А ну-ка, отпусти девчонку, - велела ей женщина, сменив тон. - Она тебе не коза на веревке, чтобы ее так дергать. Куда ты ее собралась вести?

- Вот! - Тетя Зина сунула женщине листочек с адресом. - Если тебе больше всех надо, то сама эту маленькую дрянь и веди. А я к сыну поеду. У меня поезд. Будет мне тут каждый встречный-поперечный замечания делать.

Женщина взяла листок, прочитала и еще раз посмотрела на меня.

- Где твоя мама? - спросила она.

- В командировке. Тетя Зина, - я кивнула на тетку, - должна меня отвезти к бабушке. Мама ей денег дала. И на дорогу, и на питание, и даже за то, чтобы она за мной присмотрела. А она их в лифчике прячет. Еще мама колбасу и конфеты дала, только тетка их сыну хочет отвезти. И есть мне не давала. Меня проводница кормила и другие люди. И она про маму мою плохо говорила. А меня шалавой называла.

Я не знала, почему вдруг вывалила этой незнакомой женщине все, что было у меня на душе. Как будто кто-то открыл кран и меня вдруг прорвало. Я плакала и цеплялась за ее юбку, не хуже той маленькой цыганки.

- Ах ты дрянь малолетняя! - заорала тетя Зина. - Да я тебя как родную дочь оберегала, а ты вот как? Да ты... мерзавка! Как твой поганый язык повернулся такое сказать?

- Тебя Зина зовут, да? - Женщина опять сменила тон, стала почти ласковой.

- Да, а что? - взъерепенилась тетка.

- Ох, вижу на тебе проклятие родовое. Ты же к детям едешь? - В голосе у женщины появилось что-то заунывное.

- К сыну, а что? - ахнула тетя Зина.

- Проклятие лежит на мужчинах твоего рода, я вижу. Не сможет он детей иметь. Не даст потомства. А все из-за тебя. Ты его отца со свету сжила, и сына та же судьба ждет. Его твоя невестка в могилу положит и землицей сверху присыплет, а сама гулять будет и радоваться.

- Невестка? Я так и знала! Я чувствовала! Вот ведь змея! А с виду - прямо овечка! Сын мне даже не сказал, что женился. Вот еду к нему. Гадина какая!

- Гадина, так и есть, - подтвердила женщина. - Приворот на нем стоит сильный. Вот он и женился быстро.

– Все правда! Я знала, что его приворожили! Не мог он сам! – Тетя Зина уже заглядывала в глаза женщине-ведьме, которая стояла, опираясь на свою клюку, чуть ли не в трансе. – Что же делать?

– Приворот надо снимать и проклятие родовое тоже.

– Да я же за любые деньги! Лишь бы у него все хорошо было!

– Ты виновата во всем. Тебе и платить, – строго сказала женщина, – деньги брала? Долги не возвращала? Когда мужу помощь нужна была, отказала? Сына за порог родительского дома выгнала? Вот твои грехи. Да еще муж с того света тебе мстит за смерть свою скоропостижную. Без платы проклятие не снимешь. Давай деньги, которые ты за эту девочку получила, и я помогу.

– Вот, все, что есть. – Тетя Зина вытаскивала из лифчика мятые купюры. – Еще кольцо золотое мое возьми.

– Нет, нужно отдать только то, что ты взяла и спрятала. Грязные деньги нужны, понимаешь? На них проклятие.

Тетя Зина вывалила деньги прямо на асфальт. Но женщина покачала головой. Откуда-то из-за спины она, как фокусник, достала яйцо, пробормотала что-то и разбила его над головой тети Зины. Из скорлупы полилась черная жижа и что-то еще.

– Черви в тебе, видишь? По тебе черви ползут! – закричала женщина.

И я увидела, как по тете Зине сползают черные черви. Она тоже закричала от страха.

– Это твои грехи ползут. Твоя жадность. Твое вранье. Пока черви не уползут, проклятие не снимешь. Что еще у тебя есть? Все долги надо вернуть! Эта девочка – твое счастье. Она – твой шанс изменить судьбу. Если ты обманешь сейчас, на весь твой род до седьмого колена ляжет проклятие. И ты умрешь в муках. Сын твой будет роконосцем и тоже умрет.

– Да, сейчас, это ей на житье мать передала. – Тетя Зина залезла в свою сумку и достала пухлый конверт. Я стояла, онемев. – Она велела передать деньги бабке. Чтобы хватило на два месяца, пока ее не будет. Я не хотела! Не виновата! Сыну моему деньги очень нужны! Я же ради сына! Только ради него!

– Еще что-нибудь? – строго спросила женщина. – Много грехов на тебе вижу! Очень много!

– Клянусь, больше ничего нет! Ни копеечки! – заголосила тетя Зина.

– Ладно, давай проверим.

Женщина достала из-за спины еще одно яйцо, проворкотала слова и уже занесла руку, чтобы разбить его над головой тети Зиной, и та промямлила:

– Там, в сумке, отрез ткани и белье постельное. Зачем здесь в деревне такое? Я ж себе за труды в подарок хотела взять. Разве нельзя?

– Нельзя. До последней нитки нужно долги отдать, – сказала женщина, – иначе умрешь ты быстро. Проклятие уже действует, нельзя медлить. Вижу, что плохо тебе.

– Очень плохо. – Тетя Зина заплакала. – То давление скачет, то голова раскалывается, то ноги ноют.

– Это тебе предупреждение посылают. – Женщина была неумолима. – Вижу, что не все ты отдала.

Тетя Зина заливалась горячими слезами, а я не отрывала взгляда от странной незнакомки. Та вдруг посмотрела на меня и подмигнула.

– Что еще? – пробормотала она одними губами.

Я показала на уши. Тетя Зина забрала у меня золотые сережки, крохотные, гвоздики в виде цветочков, мои любимые, подарок мамы. Тетя Зина говорила, что у меня их могут сорвать вместе с ушами. Или цыганки выманят.

Женщина улыбнулась мне и снова заговорила с тетей Зиной.

- Вижу, что серьги у тебя золотые, чужие.

- Да, есть! - обрадовалась тетя Зина, видимо, забыв про то, что спрятала мои сережки в лифчике.

Она достала крохотные сережки и передала их женщине.

- Теперь, вижу, все ты вернула.

- Нет! Не все! Колбаса и конфеты! Пусть забирает! А вдруг отравленные? - заголосила тетя Зина.

- Так и есть, отравленные, - подтвердила женщина.

- Теперь все, проверяй, - выдохнула тетка.

Женщина разбила яйцо и размазала чистый желток с белком по голове тети Зины. Та была просто счастлива.

- Проклятие я сняла. И у сына твоего все будет хорошо. Уезжай. Только если ты хоть раз совершь или возьмешь деньги, которые не отработала, проклятие рода вернется. Поняла?

- Все поняла, - тетя Зина пятилась по перрону.

Она даже не спросила, что будет со мной. И не поинтересовалась, кто эта странная женщина.

- А вы кто? - спросила я, когда тетя Зина скрылась в здании вокзала.

- Можешь звать меня тетя Тамара.

- Вы добрая ведьма?

Тетя Тамара захохотала.

- Пойдем, - велела она.

- А куда? - спросила я.

- Хороший вопрос, - остановилась женщина. - Куда же тебя отвезти? Думаю, что у Сони тебе самое место. Там тебе будет хорошо. Сколько тебе лет? Одиннадцать? Двенадцать? Как раз как Наталке. Да, пойдем к Соне.

- А к вам нельзя?

Тетя Тамара захохотала.

- Ты первая девочка на свете, которая добровольно захотела со мной жить. Нет, дорогая, ко мне нельзя. Я же ведьма.

- Но вы же добрая. Тетя Тамара, а то, что вы тете Зине говорили, это правда?

- Нет, конечно! Ты с ума сошла в такое верить? Даже малые дети в такие рассказы не верят!

- А почему вы за меня заступились?

- Потому что тетку эту давно было пора проучить. Да и твою бабушку я знаю.

- Тогда отведите меня к бабушке!

- Не могу. Уехала она. Письмо вам отправляла, да, видно, вы его не получили. Ты не волнуйся - тебе у Сони хорошо будет.

- А мама? Как она меня найдет?

- Да как же не найдет? Она когда за тобой должна приехать?

- Не знаю. Может, через месяц или через два.

- Ну тогда все успеешь! И нагуляться, и наиграться! Тебя как зовут?

- Катерина.

- Так вот, Катерина, пошли уже. Жарко становится. Отведу тебя к Соне.

Тетя Тамара легко подхватила мой тяжелый чемодан и пошла вперед. Я покорно плелась следом. Мне было страшно, но все-таки почти хорошо и спокойно. Главное, я избавилась от тети Зины. Мне нравилась тетя Тамара, пусть бы она и была ведьмой. Хуже ведьмы, чем тетя Зина, я не встречала. А все остальные мне казались добрыми.

Я успевала смотреть по сторонам. Это было село, так мне показалось. Дома стояли прямо на горе, как будто притянутые невидимым магнитом или приклеенные. Я слышала непрекращающийся шум реки, из-за которого приходилось говорить громче. Мне нравилось, как шумит поток. Казалось, что все домики вот-вот рухнут и уйдут под воду, их унесет бурным течением. Но нет, они стояли, от каждого шла тропинка к реке. Тоненькая, едва заметная.

- Пить хочу, - сказала я.

- Сейчас дойдем до колонки, попьем, - ответила тетя Тамара.

Мы добрались до колонки, и она нажала на железную ручку. Из крана потекла вода.

- Пей скорее и умойся, - велела тетя Тамара.

- Как? Стакана нет, - испугалась я.

- Ладшки сделай ковшиком и пей.

- Как это?

- Как будто умываешься.

– У меня руки грязные. А мыла нет.

– О господи, – воскликнула тетя Тамара, – деточка, ты что, ни разу колонку не видела? Тогда я точно не ошиблась – Наталка тебя быстро всему научит. Так, держи ручку. Нажимай. Сильнее.

Тетя Тамара согнулась и подставила рот под струю воды. Напилась, умылась. Сорвала пучок травы и вытерла мокрые руки.

Наверное, в этот момент я поняла, что ничего не знаю. Что все мои книжки – ничто. Беспольные знания. В них никто не рассказывал, как нужно пить воду из колонки и что пучок травы может служить полотенцем. Мне стало страшно, и я заплакала. Я ничего не знала о том, как не умереть от жажды. Без привычных вещей – стакана, куска мыла, полотенца – я была беспомощной. Пусть я знала, что такое салют, и видела его не один раз, но какое это имеет значение, если никогда не видела колонки? Я не знала, как буду жить дальше, не знала, с кем и как долго. Конечно, тетя Тамара меня спасла, но вдруг те люди, к которым она меня ведет, окажутся хуже тети Зины? И где моя бабушка? Как она могла меня бросить?

– Если ты будешь плакать по пустякам, я тебя превращу в лягушку, – строго сказала тетя Тамара. – Или дам тебе сонную траву, и ты уснешь.

– Это из разных сказок, – хлюпнула я. – Все сразу не получится – или превращение в лягушку, или в спящую красавицу.

– Да ты наша девочка! Ты мне сразу понравилась! С юмором! – захохотала тетя Тамара.

– Я не хочу здесь оставаться, – плакала я. – К маме хочу. Или к бабушке. Отправьте меня назад. Или туда, куда бабушка уехала. Пожалуйста. Я здесь не выживу. Вы же видите, я ничего не умею.

Тетя Тамара поправила платок на голове.

– Слушай и запоминай, что я тебе скажу. Если мама тебя сюда отправила, значит, так было нужно. Всякое в жизни бывает. Но ты не одна, запомни. Один человек никогда не останется, только если сам того не захочет. Тебе кажется, что ты одна, но это не так. И если тебя сюда судьба привела, значит, так было нужно. Для тебя нужно. Только от тебя зависит – справишься или нет. Ну, хватит плакать. Подумай, как тебе повезло. От тетки этой жуткой избавилась! Разве ты не этого желала?

Я кивнула.

– А если я с тетей Зиной встретилась, зачем мне это нужно?

– Послушай, дочка, ты книжки любишь? Так? Значит, должна знать, что на свете разные люди живут – и добрые, и злые. Ну, столкнулась ты с одной дурой жадной, ну и что? Мы ее на место поставили? Поставили! Проучили! Вот! Радоваться надо, а не горевать. Ты с ведьмой живой познакомилась? Разве ты когда-нибудь думала, что встретишься с ведьмой?

– Вы не ведьма.

– Да, тогда я добрая волшебница, – опять засмеялась тетя Тамара. – А когда ты познакомишься с Наталкой, у тебя вообще другая жизнь начнется, или я плохо знаю Наталку.

– Зачем мне другая жизнь?

– Ну, хотя бы затем, чтобы научиться пить из колонки, – пожала плечами тетя Тамара. – Никогда не знаешь, что в жизни пригодится, так что пользуйся. Жарко-то как сегодня.

Я перестала плакать. Только не из-за слов тети Тамары, а оттого, что почувствовала на себе взгляды. Вокруг нас собралась группа женщин, которые что-то бурно обсуждали. Я немедленно залилась краской, решив, что они говорят о нас, но женщины показывали на мой чемодан.

– Что это? – спрашивала одна из них, пожилая.

- Это сумка, - отвечала ей одна из молодых.

- Зачем такая сумка? - недоумевала пожилая.

- Для вещей, - поясняла молодая.

- Так у них все банки побились, - сокрушалась пожилая.

- Нет, в этих сумках нельзя банки возить. Можно вещи.

- Зачем вещи возить? Вещи на себе надо носить. А продукты тогда как? - недоумевала пожилая. - Плохая какая сумка.

- Девочка городская, наверное.

- Да я вижу, что не наша. Ох, как ее жалко. Худая и грязная совсем. Как ее мать не научила пить? У нас дети в год пить умеют, а эта взрослая. Куда ее отец смотрел? Почему жену такую терпит? Разве можно такую девочку грязную на улицу выпускать? У них что, воды нет? Ох, что я говорю? Может, они бедные, если даже продуктов нет. Ох, бедняжка.

- Да, худая, очень худая, - запричитали женщины из толпы.

- И платье на ней вон какое, - не могла угомониться пожилая, - голая совсем. Наверное, ткани не хватило на платье, даже на рукава не хватило. И юбка короткая. Ох, бедная девочка. А что у нее на ногах?

- Носки, - ответила молодая.

- Не пойму. Что ты такое говоришь? Носки мужчины носят.

- Это как гольфы, только короткие.

- Ох, бедная девочка. Даже на гольфы ее матери денег не хватило. Как же жалко. Надо бы им помочь. Если на гольфы не хватает, мать у нее совсем бедная женщина. Может, ее муж выгнал?

– Так, вы что тут раскричались, гусыни? – рявкнула на них тетя Тамара. – Языками давно не чесали? Так я сейчас плюну, и ваши языки вмиг отсохнут!

– Тамара, а чья это девочка? – спросила пожилая. Остальные притихли.

– Моя девочка. У Сони с Давидом будет жить, понятно?

– Понятно, что ж непонятного, – быстро согласилась пожилая.

– А будете глазеть на нее или шпынять, так вы меня знаете. Все слышали? – рявкнула тетя Тамара.

– Тamarочка, а ты мне мази той принесешь, как в прошлый раз? А то колени совсем плохие. Ноют и ноют. Как думаешь, к дождю это? – ласково спросила пожилая женщина.

– Мазь принесу, только если ты молчать будешь как рыба, – ответила тетя Тамара.

– Буду, буду, Томочка. Очень хорошая девочка. Пусть заходит в любой двор, мы ее всегда накормим. И если надо – ты только скажи – мы ей и вещей соберем, чтобы одеть.

– Разберемся. Соня ею займется.

– Да, Соня – хорошая женщина. Счастье, что сына родила. Себе на радость. А то уж как она с Наталкой мается. Это же какое наказание – дочку такую родить! – перекинулась на другую тему пожилая женщина.

– Нет, я тебе все-таки в мазь что-нибудь подсыплю! – Тетя Тамара начала грозно вращать глазами.

– Что ты, что ты, Тamarочка! Это я так, по глупости болтаю. Хорошая девочка Наталка. Красивая будет. Дай бог ей замуж хорошо выйти. Я же что? Говорю, что характер у нее не как у девочки. Тяжело ей с таким характером будет.

– За это не волнуйся. – Тетя Тамара едва сдерживалась, чтобы не рассмеяться. – На кого пальцем покажет, за того и выйдет. А я уж приворот сделаю. Если будешь сплетни распускать, за твоего внука выйдет.

Тут пожилая женщина хотела что-то сказать, но поджала губы.

– Тamarочка, не надо за моего внука. Пусть мальчик живет спокойно, – жалостливо попросила она. А молодая женщина, по всей видимости невестка пожилой и мать этого мальчика, начала плакать.

– Ладно, так и быть, – хмыкнула тетя Тамара.

Я в это время склонилась к колонке и попыталась повторить трюк тети Тамары – попить так, чтобы хватать воду ртом. Естественно, я захлебнулась и начала кашлять.

– Еще и больная девочка, – проговорила пожилая. – Ты уж ее, Томочка, вылечи. Когда ребенок в таком платье ходит и нет денег на гольфы, так любой заболеет.

Пожилая женщина подошла ко мне и протянула гостинец – серый хлеб-кирпич.

– Ням-ням, есть надо, – громко сказала мне она, показывая, как надо откусывать от хлеба, будто я была не только больная, но и сумасшедшая.

Я продолжала кашлять. Тетя Тамара больно шибанула меня по спине, и сразу все прошло. Она кивком дала понять, что я могу взять хлеб.

В нашей булочной в городе я видела много чего – слойки, ватрушки, черный хлеб, белый батон, с маком, но такого серого кирпича не видела ни разу. Я стала мысленно перебирать свои пристрастия – батон любила маленький, а не большой, от черного круглого нос воротила, любила московскую булочку, а столичной брезговала.

Я взяла этот серый кирпич и уставилась на него как баран на новые ворота. В тот момент по улице действительно погнажи баранов – они блеяли, сыпали горохом и норовили свернуть в чужие дворы. Живых баранов, да еще в таком количестве, я никогда не видела и не знала, как себя вести, поэтому прижалась

к тете Тамаре и – то ли от голода, то ли от страха – стала жадно есть хлеб, практически не жуя. Пожилая женщина схватилась за сердце – да, я была бедной больной девочкой, такой бедной и больной, что даже хлеб казался лакомством.

– Очень вкусно, – сказала я, давась теплой хрустящей корочкой.

– Водичкой запей, – посоветовала мне тетя Тамара, – а то заворот кишок будет.

– Да зачем водой-то? – ахнула пожилая и мотнула головой. Буквально из воздуха передо мной возник бидон с молоком, который протянула молодая женщина.

Я поднесла бидон к губам и, обливаясь, начала пить.

– Тамара, ты ее вылечи, – пожилая смотрела, как я пью. – Откуда она? У нее родня-то есть?

– Вот ты неугомонная! – возмутилась тетя Тамара. – Сказала же, моя это девочка! Большого тебе знать не надо. Вам только слово скажи, вы придумаете то, чего нет.

– Да я что ж, я ничего... А откуда она взялась? На поезде приехала? Родственница твоя? Так вроде у тебя нет родных в городе? Или есть? А она к нам надолго?

– Так, пошли. – Тетя Тамара забрала у меня бидон с молоком и вернула молодой женщине. – иначе мы от этих несущек не избавимся.

– А кто такие несущки? – спросила я.

– Она что ж – головой болеет? – ахнула пожилая.

– Все, уходим. – Тетя Тамара подхватила чемодан. – Несущки – это курицы, которые несут яйца. Ты это, первое время лучше молчи. На всякий случай. Не пугай людей. А то они решат, что ты головой больна. А вы идите скорее белье снимайте! Сейчас ливень начнется. И подушки с просушки убирайте.

- Да какой ливень? - удивилась пожилая. - Ни тучки над головой!

- Я сказала, что сейчас дождь на вас найдет, значит, будет дождь. И белье ваше не просохнет. Колени у тебя болели? Болели!

Молодая женщина кинулась в дом. Пожилая так и осталась стоять.

- Я вас предупредила, - рявкнула тетя Тамара и грозно посмотрела на небо, будто призывая тучи.

Женщины стояли, провожая нас взглядами. Пожилая цокала языком.

- Ну вот. Пришли, - сказала тетя Тамара, когда мы добрались до какого-то дома. Перед воротами виселись две огромные кучи - белая и черная.

- Что это? - спросила я.

- Что? Щебенка и уголь, - ответила она. - Посиди на лавочке. Я сейчас.

Я села на лавочку. И почти тут же из-за дерева появилась та же компания ребят, которые были на перроне.

- Что сидишь? - спросил уже знакомый мальчик. - Ты тут жить будешь?

- Не знаю. Не твоё дело, - ответила я.

- Меня Наталкой зовут, - сказала девочка, - а его - Мишкой. Ты у нас будешь жить?

- А твою маму зовут Соня?

- Да.

- Тогда у вас. Так тетя Тамара сказала.

- Ты на поезде приехала, да?

- Да, почти трое суток ехали.

- Зыкинско! - восхитилась Наталка. - Тебя как зовут?

- Катерина.

- Как? Карина?

- Смотри, видишь, там вода? - Мишка показал на яму рядом с углем. - Мы там всегда ноги моем. С грязными ногами тебя во двор не пустят.

- Почему? - удивилась я.

- Нельзя во двор в грязной обуви заходить, - сказал он.

Наталка вскрикнула, но Мишка строго на нее посмотрел, и та замолчала.

- Если хочешь тут жить, нужно правила соблюдать. Ты же не местная, так что слушайся. Или ты боишься?

- Ничего я не боюсь.

Вся компания во главе с Мишкой следила за тем, что я делаю, только Наталка отвернулась.

Я стала снимать сандалии, которые мама купила мне буквально неделю назад - специально к этой поездке. Они были дорогие и красивые - белые с цветочным узором. Мама достала их в «Детском мире», чтобы хватило на лето. Я с ужасом обнаружила, что на правой сандалие ремешок болтается, вот-вот оторвется. Я знала, что мама не будет ругать за сандалии, но мне они очень нравились.

Носки я тоже сняла и бросила на землю. Наталка не выдержала и подняла их с земли. Девочка всегда остается девочкой.

Я встала в холодную вязкую жижу и немедленно приклеилась ногами ко дну. Попыталась вытянуть ногу. Получалось с трудом.

Мальчишки во главе с Мишкой загоготали.

– Дураки, – сказала им Наталка. – Вылезай, не бойся. Это саман[1 - Саман (тюркск. букв. – солома) – строительный материал из глинистого грунта с добавлением соломы или других ингредиентов, высушенного на открытом воздухе.] обычный, – сказала она и протянула руку, чтобы помочь мне выбраться.

Но мне вдруг стало страшно. Я застыла, боясь пошевелиться.

– Вылезай, – просила Наталка, – это солома и глина. Надо ногами месить, чтобы потом кирпичи делать. Все ногами месят. Мишка просто пошутил. Он на самом деле хороший, только иногда дурак.

– Да, я дурак. – Мишка уже тоже стоял рядом и протягивал мне руку.

Но я не двигалась. Мне казалось, что ног у меня нет. Я их не чувствовала и думала, что, если пошевелюсь, упаду и меня засосет с головой в это гадкое месиво.

Наталка уже чуть не плакала. Ребята давно не смеялись и кричали, чтобы я не боялась и вылезала.

– Не могу, – прошептала я, – это же как болото. Я читала. Если пошевелишься, то сразу утонешь.

– Болото? Какое болото? – Мишка заметно волновался. – Знал бы, что ты просто боишься, не шутил бы. Я ж думал, ты кокотка, а ты вроде нормальная. Не сдала нас.

И тут я будто очнулась, среагировав на слово «кочотка».

– Почему ты назвал меня кокоткой? – вежливо уточнила я.

– Откуда я знаю! Бабушка так говорит, – разозлился Мишка и начал тянуть меня за руку.

– Его бабушка его маму так до свадьбы называла. Считала, что она много строит из себя, – пояснила серьезно Наталка. – Но Мишкин папа все равно женился на его маме.

– Откуда ты знаешь? – взбрыкнул Мишка.

– Так все женщины знают, – пожала плечами Наталка. – Это вы, мужчины, ничего не видите и не слышите. И шутки у вас дурацкие! Вот скажу тете Тамаре, что это ты придумал, она тебе устроит!

– Молчи лучше, – прикрикнул на нее Мишка. – Я сам скажу тете Тамаре, что виноват. Если я виноват, то всегда признаю.

Он шагнул в саман, обхватил меня за талию и одним движением выдернул из жижи. Мишка оказался очень сильным. Я вообще плохо понимала, что происходит. Только чувствовала себя уставшей, грязной и липкой. И еще очень счастливой. То ли из-за Наталки, которая мне сразу понравилась, и я захотела иметь такую подружку, то ли из-за Мишки, который мне показался очень красивым. Сердце колотилось. Еще я подумала о том, что тетя Тамара была права – одна я не останусь. И если я буду дружить с Наталкой, то мне ничего не страшно.

Было очень жарко. Такого палящего солнца я никогда до этого не ощущала. Даже на море, куда мама возила меня каждое лето. Здесь солнце было другим – низким, огромным, раскаленным. Я решила, что, наверное, сейчас умру, и, чтобы не создавать неудобств, легла на землю, прикрыв ноги подолом сарафана. Это последнее, что я помнила.

А потом хлынул дождь. Будто по приказу тети Тамары кто-то на небе повернул вентиль, и дождь обрушился сразу, резко, проливной, с крупными тяжелыми каплями, которые медленно падали и разбивались о землю. Я чувствовала, как капли больно бьют по лицу. Такого дождя я никогда не видела, не знала, что от воды может быть больно. И еще мне стало страшно – тетя Тамара наслала этот дождь на женщин. Из-за меня. Предупредила и исполнила. Значит, она настоящая колдунья, раз может повелевать дождем. Я даже успела

подумать, что тетя Тамара только с виду такая хорошая и специально спасла меня от тети Зины, чтобы потом съесть или использовать для своих колдовских нужд. А я ей поверила и поддалась. Я заплакала. Хотя, возможно, это были не слезы, а дождь.

Очнулась я на кровати, которая затягивала меня не меньше, чем неизвестная жижа. Я начала барахтаться в горе подушек и одеял, надеясь выпростаться из этого мягкого логова.

- Очнулась наконец. - Ко мне подошла незнакомая женщина. - На, попей.

Она протянула мне ковшик с ледяной водой. Такой ледяной, что начало ломить зубы. Я посмотрела на ее руки - они были точно такими же, как у Наталки - с длинными пальцами и небольшой ладонью, очень красивые и ласковые. Женщина потрогала мой лоб, поправила подушки.

- Сарафан, - прошептала я.

- Не волнуйся, - улыбнулась женщина. - Постирали, и носочки тоже. Тебя, правда, еле отмыли. Ну зачем ты в саман полезла? Да еще в такую жару.

- Сарафан не задрался? - спросила я.

Женщина явно не понимала, что меня тревожит.

- Все хорошо. - Надо мной появилось лицо Наталки. - Мишка так перепугался, что на руках тебя донес.

Наталка хихикнула. А я поразилась - она не завидовала, но восхищалась. Я бы с ума сошла, если бы на моих глазах такой красавец, как Миша, понес на руках другую девочку. И уж точно не радовалась бы за нее.

- Так это вы придумали ее в саман запихнуть? - возмутилась женщина. - Вот я тете Тамаре расскажу. Нашли над кем шутить! И не стыдно?

Мне уже было все равно. Я думала о Мишке, который остался в моей памяти красавцем, принцем на белом коне, рыцарем и джентльменом - тем героем,

о которых я так много читала, но никогда не встречала в реальной жизни. Даже не знала, что такие мальчики бывают. И то, что именно Мишка меня разыграл, было уже совершенно неважно. В моем воображении он сделал это только для того, чтобы потом спасти.

- Ты опять с ребятами бегала? - продолжала причитать женщина. Но делала она это ласково, было совсем не страшно - Наталка и не боялась. - Почему другие девочки как девочки, а ты меня позоришь? Никто с ребятами не носится по округе, только ты.

- С девчонками неинтересно, - хмыкнула Наталка.

- А пистоны на рельсы подкладывать интересно? Вот придет твой отец, пусть он с тобой разбирается. Хоть бы мне помогла, за братом посмотрела. Думала, помощница у меня дочка будет, а я ее по вокзалам должна искать.

- Ну, мааам, я посижу с Тамиком, - проблеяла Наталка примирительно и ткнулась в фартук матери. - А завтра полы помою.

- И двор подметешь, - строго сказала женщина, - еще жука надо собрать.

- Ну, мааам, только не жука! - Наталка отлепилась от матери.

- Если не жука, тогда вечером гулять не пойдешь! Салфетку вязать будешь! Вон, на телевизор! - прикрикнула женщина.

- Маааам! - Глаза у Наталки стали размером с блюдце. Видимо, более страшного наказания, чем вязание салфетки, для нее не существовало.

Позже оказалось, что так оно и было. Количество связанных крючком салфеток, которые были в доме, соответствовало числу Наталкиных проступков.

- Ну что, очнулась? - В дом ворвалась тетя Тамара.

- Все хорошо, - успокоила ее женщина.

- Катерина, ты как? - села на кровать тетя Тамара.

– Хорошо. – Я опять попыталась встать, но безуспешно.

– У тебя удар был. Солнечный! – Наталка говорила с завистью. – Вот это зыкинско. Вот бы у меня хоть раз так было! И чего ты так дождя испугалась? Даже закричала. У вас в городе дождя, что ли, не бывает?

– Я тебе сейчас другой удар сделаю, – прикрикнула на нее тетя Тамара. – Ладно ребята, но где твои глаза были? Как ты могла разрешить ей в саман лезть? А ты, Катерина, лежи. Вот, попей еще. Я тебе отвар сделала.

Я все еще пыталась справиться с пуховой периной, но схватка была неравной. Перина заставляла лежать, принимая положение моего тела, – я провалилась в теплую мягкую ямку и при попытке поднять ногу утопала еще глубже.

– Катерина, это тетя Соня, – начала говорить тетя Тамара. – Ты здесь поживешь. Наталка будет тебе во всем помогать. Правда, Наталка? – Тетя Тамара строго посмотрела на девочку. Наталка поспешила кивнуть. – Я тоже буду рядом. Маме мы отправим телеграмму. Отдыхай.

– Не оставляйте меня! – Я все-таки умудрилась выскользнуть из кровати и вцепилась в ногу тети Тамары. – Не хочу я здесь! Я домой хочу!

– Дети не могут быть без призора. Ты же не хочешь быть без призора? То есть беспризорницей? – спросила меня тетя Тамара.

Я вцепилась в ее фартук мертвой хваткой. За руку взять не решилась – вены на запястьях тети Тамары были огромные, синие. Казалось, что, если прикоснешься хотя бы к одной, они лопнут. Ее руки были красивые и страшные одновременно. Я не могла оторвать от них взгляд. Вены хотелось потрогать, погладить – они мне очень нравились. По ним я догадалась, что никакая она не ведьма, а очень-очень добрая женщина, которая не оставит меня в беде. Никогда.

– Вот, выпей. – Тетя Соня заботливо поднесла к моим губам эмалированную кружку. – Это трава, не бойся. Она горькая, но ничего, зато полезная. Ложись. Тебе надо спать.

Я выпила травяной настой и покорно легла. Сквозь сон мне было слышно, как тетя Соня и тетя Тамара разговаривают полупшепотом.

– Вот, Соня, это ее деньги. Мать передала, – говорила тетя Тамара. – Тут много. Эта тетка ее чуть не ограбила.

– Не надо, не возьму! – сказала тетя Соня.

– Возьмешь. Раз мать ее деньги оставила, значит, так было нужно. Сколько она здесь пробудет, не знаю. Узнаю – скажу. Сама понимаешь, мать просто так бы ее сюда не отправила. И это судьба, что я на нее на вокзале наткнулась. Кстати, приструни Наталку хоть на время. Опять женщины языками про нее чешут. Сегодня они снова пистоны подкладывали. Покупай все, что потребуется. Одень девочку, чтобы глаза этим курицам-соседкам не мозолила. Сшей ей платье, отрез я тебе принесу. Корми ее, она в поезде голодала. Сама видишь, какая она хилая. И не желей: пусть работает наравне с Наталкой – покрепче станет. Будешь ее выделять – обидится. Девочка с мозгами, и у нее доброе сердце. Ей нужно только немного любви и заботы, она быстро оттаает. Ох, мало я эту тетку проучила. Надо было ее посильнее напугать, чтобы лишний раз подумала, прежде чем над детьми издеваться. За что такое девочке? Она из последних сил держалась. Гордая по натуре, сильная, наша девочка...

– Да уж соседки доложили, как она из колонки не могла воду пить. Не волнуйся. Мне кажется, они с Наталкой подружились уже.

– Как Тамик? Зубки проверяла? Ложкой стучала? Лезут?

– Спокойный, слава богу. С Наталкой я вообще не спала, ты же помнишь, а он тихий.

– Десну ему намажь, я принесла мазь, на всякий случай. А Давид где?

– Ой, не говори мне про него! Опять на юбилей ушел. Я ему говорю – хватит уже языком чесать, а он отвечает, что это его призвание. Деньги хорошие зарабатывает, но стыдно ведь. Думала, Тамик его образумит, все-таки сын...

– Он хороший муж и отец.

- Да кто говорит, что плохой? Даже не знаю, как так получилось. Теперь он главный ведущий: тосты произносит, свадьбы ведет, юбилеи. Без него никак. В очередь становятся, чтобы он все как положено устроил. Он ведь и традиции знает, и обычаи. Те, которые только старики помнят. Так еще ходит и расспрашивает, как все раньше было, какие слова говорили.

- Ну и радуйся.

- Так это же не профессия для мужчины!

- Если деньги приносит, то профессия.

- Вот и он мне так говорит. А мне стыдно. Не муж у меня, а кокотка какая-то, как говорит Мишкина бабушка.

Тетя Соня не удержалась и рассмеялась.

- Он ведь Наталке разрешает с мальчишками бегать. А я - что я могу против его слова? Ты же знаешь, у Наталки его характер. Скажешь поперек, так она назло сделает.

- Это твой характер, - сказала тетя Тамара.

- Тамар, а он девочку примет? Что ему сказать?

- Давид любит детей. Он будет только рад, что еще одна девочка в доме появилась. За это не волнуйся.

- Да, ты права. Давид рад будет. Только на сердце у меня беспокойно - ты представляешь, чему эту девочку моя Наталка научит. А мне отвечать потом!

- Твоя Наталка - это то, что надо этой девочке сейчас. Пусть учит. Ты ей тоже спуска не давай. Ругай, если набедокурила, хвали, если заслуживает. Она тоже с характером, только еще об этом не знает.

Утром я проснулась от бьющего в глаза солнца – такого яркого, что пришлось зажмуриться и встать на ощупь. В доме было тихо.

– Наталка, – позвала я, – тетя Соня!

В соседней комнате раздался писк. Я зашла и увидела деревянную люльку с длинной ручкой. В ней лежал спеленутый малыш. Он очень хотел выбраться из своих оков, и я ему помогла – распеленала и стала смотреть, как он дрыгает ножками и пытается поймать ручками мой палец. Малыш опять захныкал, и я взяла его на руки. Я вышла на улицу, где увидела Наталку, которая здоровенным веником мела двор. Увидев меня, она оцепенела.

– Ты что сделала? Зачем ты его размотала? – подскочила она ко мне, бросив веник.

– Он плакал.

– Надо было просто покачать. Как мы его теперь замотаем? Мама точно заметит. – Наталка была в панике.

– А почему нельзя его доставать?

– Потому что у него ноги кривые будут и голова огромная. Ляльки должны лежать. Или его черт унесет, а от чертей и демонов только ножницы помогают! Мама под матрас Тамику кладет.

– А кто такие ляльки?

У меня в голове все перепуталось – при чем тут черти и демоны и почему нельзя держать на руках ребенка?

– Я же тебе объясняю: Тамик – он еще беззащитный, маленький, ему еще годика нет. А демоны на таких маленьких охотятся, у них душа чистая. Поэтому ляльки должны лежать в люльке. Если его размотать, он может сам себя поранить. Разве ты не в такой люльке лежала, когда была маленькой?

– Я не знаю.

Мы вернулись в комнату и в четыре руки замотали Тамика в пеленки, уж как получилось.

- Все равно мама заметит. - Наталка смотрела на результат наших трудов. Тамик лежал в коконе из пеленок, который топорщился во все стороны. Основная часть пеленок собралась вокруг шеи малыша - удивительно, что Тамик не плакал, а только пыхтел и брыкался. Ему даже нравилось бороться с путами.

- Его надо привязать к люльке. Туго, чтобы не вывалился, - сказала Наталка.

- Жалко его привязывать, - отозвалась я.

- Наталка! - В комнату ворвалась тетя Соня. - Что ты опять устроила? Это же твой брат! Не девочка, а наказание какое-то. Так, быстро взяла банку и пошла собирать жуков! Без разговоров!

- Мааааам! - взвыла Наталка.

- Даже не начинай! - одернула ее тетя Соня.

- Тетя Соня, это я виновата. Я Тамика из люльки достала. Он плакал, и я хотела его успокоить. Я же не знала, что малышей нельзя доставать! Не ругайте Наталку! - подала голос я.

- Кариночка! Деточка! - Тетя Соня тут же изменилась в лице и стала ласковой. - Ничего страшного. Ты давно проснулась? Как себя чувствуешь? Голова не болит? Не кружится? Вещи твои я погладила и в шкаф положила. Наталка тебе все покажет, расскажет.

Мы посмотрели друг на друга, как будто видели впервые. Наталка поняла, что несет за меня ответственность. А я - что моя жизнь теперь зависит от новой подружки.

- Все будет хорошо. Отдыхай. Кушать хочешь?

Я не знала, что ответить. Наталка легонько ткнула меня в бок локтем.

- Хочу, - сказала я.

- Идите на летнюю кухню, там завтрак на столе. Наталка, помоешь посуду! И жуки тебя ждут! - прикрикнула тетя Соня на дочь.

- А мне что делать? - спросила я.

- Погуляй, отдыхай.

- А можно, я Наталке помогу?

- Вот, дочка, бери пример с Карины! Какая девочка воспитанная! - Тетя Соня подошла и погладила меня по голове.

- Я не Карина, а Катерина, Катя, - пискнула я.

- Да, Кариночка, конечно, иди, - ласково сказала тетя Соня, занятая пеленанием Тамика, который сучил ножками - ему так понравилось быть распеленутым, что он сопротивлялся изо всех сил.

Мы с Наталкой пошли на летнюю кухню, где под салфетками стояли чашка с творогом, хлеб, яйца и зелень. Наталка накинулась на еду. Я сначала смотрела, как она ест, поскольку творог не любила, вареные яйца терпеть не могла, но потом последовала ее примеру. Мы наперегонки ели из одной чашки и стучали яйцами об стол, кто громче, а потом соревновались, кто быстрее почистит. Горбушку хлеба Наталка намазала маслом, посыпала сверху сахаром, разделила напополам и закрыла глаза, чтобы насладиться лакомством. Да, это было вкуснее всех булок из булочной, вместе взятых. Здесь все было другое, даже яйца - с ярким, почти оранжевым желтком. Я таких никогда не видела. Сытые, мы выползли во двор. Наталка вручила мне банку, в которой плескалась жидкость.

- Это керосин, - объяснила она. - Берешь жука и туда бросаешь.

Мы вышли в огород, где росла картошка. Пошли по ряду с двух сторон. Наталка проворно собирала с листьев жуков и быстро дошла до конца грядки. Я все еще топталась в начале.

- Чего ты возишься? – крикнула она мне.

- Они противные, – честно призналась я, – не могу их в руки взять.

- Вот еще глупости! Собирай, это колорадский жук. А то он всю картошку сожрет. Вот змея – это противно. И лягушка раздавленная – фу, гадость. Жуков?пожарников я тоже не люблю, они вонючие. А головастики умеешь ловить? Нет? Я тебя научу.

Пока Наталка рассказывала, она успела собрать всех жуков с моей стороны.

- А что это растёт? – спросила я, показав на высокие заросли в дальнем конце огорода.

- Ты что, кукурузу никогда не видела? – удивилась она.

- Не видела. Только на море, вареную, с солью.

- Пойдем!

Наталка бросила банку и радостно побежала к кукурузным посадкам. Я кинулась следом.

Моя новая подружка проворно отогнула листья и сорвала початок. Покрутила в руках и протянула мне.

- Смотри, кукла получилась, – сказала она. И действительно, из листьев получилась юбка, а из волокон – волосы.

- Здорово, – ахнула я.

- Пойдем ногти делать! – объявила моя подружка.

- Это как?

Следующий час мы провели под изгородью, срывая лепестки с цветов и приклеивая их слюной на пальцы.

- Красота! - Наталка, выставив руку, любовалась результатом.

- А у меня лак есть для ногтей. Настоящий, - сказала я. - Давай покрасим?

- Ты с ума сошла? Мама меня убьет! И тебя заодно, - строго сказала Наталка. - Нет, тебя не убьет - ты у нас в гостях, а меня два раза убьет. За меня и за тебя.

Я никак не могла представить себе, как ласковая и добрая тетя Соня убивает свою дочь, причем дважды.

Наталка лежала на траве и разглядывала свои лепестковые ногти. А я смотрела на гору, которая высилась прямо над нами. Казалось, что горы везде - они окружали селение, будто стражи, которые защищают границы деревни.

- Эй, вы там что делаете? - слышался голос из-за забора.

Я так и обомлела. Голос принадлежал Мишке.

- Жуков собираем! - спокойно ответила ему Наталка.

Я же пыталась отклеить прилипший к небу язык. Мне хотелось пить, сбежать, оказаться дома, и я даже подумала, что вот-вот хлопнусь в обморок.

- Каринка как? - спросил Мишка.

Я молчала, у меня в груди произошел атомный взрыв.

- Нормально, - откликнулась Наталка, - только опять странная стала. - Она смотрела на меня с тревогой.

- Выходите вечером в казаков?разбойников играть! - сказал Мишка.

- Если отпустят, - ответила Наталка.

– Слушай, ты совсем странная, – обратилась она ко мне. – Если ты сейчас упадешь, мама нас точно вечером не выпустит.

– Не упаду, – процедила я, наконец справившись с языком.

– Ладно, сиди здесь. Я пойду жуков дособирую.

Наталка убежала, гарцуя и подпрыгивая, как молодая лошадка. Она вообще ходить спокойно не умела, все время бегала. А если стояла на месте, то обязательно подскакивала и дрыгала ногами. Даже за столом умудрялась двигаться – елозила, болтала ногой, раскачивалась на стуле. Меня же все детство учили ходить спокойно, не подскакивать, не шаркать, не раскачиваться, не мотать головой и ногами, не размахивать руками и желательнее всего делать тихо. Не громыхать тарелками на кухне, не расплескивать воду, не ронять предметы, не двигать стулья по полу, а передвигать их аккуратно. Было еще много всяких «не» – не кашлять, не прикрыв ладонью рот, не смеяться слишком громко, не вытирать рот, нос и все остальное рукой – только салфеткой, не чесаться. Иногда мне казалось, что даже дышать нужно тихо и редко. Поэтому на Наталку я смотрела с восхищением и завистью – она вытиралась как хотела, чесалась, грохотала, бегала, роняла чашки. Она была другой, и тетя Соня тоже.

В городе нужно было быть тихой, а здесь можно было стать громкой. В городе все дети в квартирах были обречены на тихие занятия: «Не стучи мячом, соседи будут жаловаться, не плещись в ванной, а то соседи решат, что мы их затопим, и придут ругаться. Лучше порисуй, возьми вышивку, почитай. Нет, телевизор громко включать нельзя, проигрыватель с пластинками – сделай потише звук. Что ты топчешь как слон? Соседка снизу опять будет жаловаться». Моя мама, когда заходила в квартиру, снимала туфли на каблуках и ходила на цыпочках, потому что соседка снизу кричала, что мы «стучим ей по голове».

Разрешенным шумом считалось только пианино – сын соседки сверху учился в музыкальной школе и нещадно терзал инструмент. Но соседи не возмущались – искусство все-таки.

Опять же, я и представить себе не могла, что сяду за стол завтракать, прежде чем почищу зубы, умоюсь и переоденусь в домашнее платье. Сейчас был уже полдень, а про зубы мне никто даже не напомнил.

Я не знала, как мне быть. Боялась спросить тетю Соню, от которой в прямом смысле слова теперь зависела моя жизнь, как до этого она зависела от тети Зины. Я боялась спросить Наталку, потому что очень хотела ей понравиться. Вот тетю Тамару я бы могла спросить про утренние умывания, но ее не было, и где ее искать, я не знала. Я сидела на земле, боясь пошевелиться и выдать шумом свое присутствие, и думала о том, что у меня сегодня будет первое настоящее свидание с мальчиком. Такое свидание, о которых я читала в книжках. Мы будем идти рядом, не смотреть друг на друга, а земля будет уходить из-под моих ног. Настоящее свидание с рыцарем, который меня спас, донес на руках до дома и теперь волнуется, спрашивает, как я себя чувствую.

Только почему он меня назвал Кариной? Может, он приглашал другую девочку, не меня? Но ведь тетя Соня тоже называла меня Кариной. Значит, меня, точно меня. Надо будет сказать Мишке, что меня зовут Катерина, Катя.

Или не говорить? Пусть зовет как хочет. Лишь бы меня. Но почему Наталка к нему так равнодушна и разговаривает с ним по-свойски, как давний друг? Неужели он ей совсем не нравится? Я попыталась вспомнить, как выглядит Мишка, но не могла, как ни старалась – закрывала глаза, пыталась восстановить в памяти черты его лица. Бесполезно. Руки его помнила, лицо – нет. В какой-то момент я даже испугалась – а вдруг он некрасивый? Вдруг он мне только показался красивым? А на самом деле у него уши торчат лопухами или ноги кривые. Нет, он не мог не быть красавцем. Ведь он нес меня на руках! И был главным в компании. Значит, самым лучшим на свете. А что такое казаки-разбойники? Что за игра? Надо спросить у Наталки. Только будет ли тогда это считаться свиданием, если соберется целая компания? Нет, значит, не свидание. Мне стало плохо, в груди опять случился взрыв, и я решила лечь, чтобы разноцветные мухи, которые летали перед глазами, прекратили уже мельтешить. Судя по всему, я опять потеряла сознание. Очнулась оттого, что вдруг стало холодно и мокро. Надо мной стояла тетя Тамара с ковшом в руках. Рядом прыгала Наталка, а тетя Соня держала наготове еще один ковшик. Я закрыла глаза, чтобы насладиться страданиями без свидетелей, но слышала все, что они говорят.

– Наталка, что вы делали? – спрашивала обеспокоенно тетя Соня.

– Ничего. Здесь сидели, ногти клеили. Я Каринке кукурузу показывала – она никогда кукурузу не видела. Потом я пошла жуков собирать. Каринка жуков боится, – перечисляла моя подружка. – А что такое? Что я не так сделала?

- Зачем ты ее одну оставила? Мы же тебя предупреждали - нельзя Карину одну оставлять, - говорила тетя Соня.

- Или жуки, или она. Я что, разорваться должна? - огрызнулась Наталка.

- Как ты со мной разговариваешь? Никто не говорит, что разорваться. Ты же понимаешь, что ей тяжело. Ничего не видела, не знает. Вчера плохо было, сегодня опять вот. Что я ее матери скажу? Что мы недосмотрели?

- Ну я же не знала, что она опять отключится! - воскликнула Наталка. - Что ей, и ногти нельзя делать?

- Все, иди за братом присмотри. И полы помой в доме.

- За что? - ахнула Наталка.

- Иди, я сказала!

Наталка убежала, а тетя Соня обратилась к тете Тамаре.

- Что мне с ней делать? Так жалко девочку. Ты сказала, чтобы я ее как Наталку воспитывала. Она сама попросилась жуков собирать. Надо было ее в постели держать?

- Акклиматизация, - ответила тетя Тамара и потрогала мой лоб.

- Тетя Тамара, - я сделала над собой усилие и открыла глаза, - я зубы сегодня не чистила. И не умывалась. Что мне делать? Я даже позавтракала до этого. Это можно? Меня не будут ругать?

- Что? Какие зубы? Я не понимаю, - тетя Соня положила мне на лоб мокрое полотенце.

- Соня, у нее стресс, - тихо говорила тетя Тамара, подставляя мне кружку с отваром. - Она не знает, как себя вести, и очень боится. Она хочет вам понравиться, но не знает, какие здесь порядки. Вот она не умылась и зубы не почистила, а вы ее за стол усадили и жуков отправили собирать. А она

переживает – можно ей или нельзя. Понимаешь?

– Тамара, я же не думала... Я же не умею с такими детьми!

– Ничего сложного. Представь, что она – как Тамик. И ты ее учишь – как и когда зубы чистить, умываться. Как есть, пить...

– Что ты говоришь? Я не понимаю! Она же не лялька! Она взрослая девочка! И не пойму – почему она переживала? Во дворе умывальник. Кто же ей не давал умыться, если она хотела?

– Соня, она такой умывальник в глаза не видела! Сама подумай! Она воду из колонки не умела пить, а ты про умывальник. Ну висит что-то, а как пользоваться – она же не знает! Ну, представь, если тебя взяли и привезли на север, например. Где холод 50 градусов мороза и пингвины ходят.

– Да я бы туда и не поехала! И не стала бы жить с пингвинами. Никто бы не стал, – хмыкнула тетя Соня.

– Ладно, объясню по-другому. Вот ты ела абрикос?

– Что ты спрашиваешь? Шутишь опять? У нас тут девочка больная, а ты шутишь! Ты скажи, что делать, я все сделаю!

– Вот я тебе и объясняю. Ты ела абрикос. А она не ела. Никогда. Даже не знает, что это такое. Только на картинке видела. Понимаешь?

– Нет, не понимаю. Что ж, у них в городе детей не кормят? Голод там, что ли, раз абрикосов нет?

– Хорошо, пусть будут не абрикосы, а яйца. Вот ты откуда яйца берешь?

– Из курятника. Откуда же еще?

– А она курятника в жизни не видела и думает, что яйца берут из маленькой коробки картонной. В магазине. Понимаешь?

- Да быть такого не может. Кариночка, девочка, - тетя Соня ласково погладила меня по голове, - скажи, яйца откуда берутся?

- Курица несет, - ответила я.

- Вот, все она знает! Я думаю, что ее сглазили. Там, в городе, или в поезде. Может, эта тетка, которая ее везла сюда, и сглазила. Давай ты с нее заговор снимешь. На всякий случай. Хотя бы яйцом. Мы никому не скажем, а мне спокойнее будет. Тамара, пожалуйста. И оберег ей надо сделать. На шею повесим.

- Соня, ты меня сколько лет знаешь? Ну какие заговоры? Какие обереги? Я - знахарка! Я в травах понимаю да отвары варю. Лечить умею. А заговоры - это для наших сельских гусынь.

- А погоду кто предсказывает? - не унималась тетя Соня.

- Так тут на небо посмотри, любой предскажет.

- Томочка, ну, пожалуйста, нуними с нее порчу. Ради меня.

- Ладно, неси яйцо и воду, - махнула рукой тетя Тамара.

- Да, сейчас! - обрадовалась тетя Соня.

Тетя Тамара, воспользовавшись отсутствием тети Сони, вылила на меня еще один ковш с водой, растерла мокрым полотенцем руки, ноги, грудь. Помассировала мочки ушей. Я пришла в себя и села.

- Ну как ты? - спросила она.

- Хорошо. Тетя Тамара, а почему меня все Кариной зовут?

- Как тебе сказать... Это привычнее для местных. Тебе не нравится?

- Нравится, - ответила я.

- Тогда считай, что это твое новое имя. Новая жизнь, новые друзья, новая семья.

- Я же Катя!

- Деточка, послушай. Не так важно, как тебя зовут. Знаешь, говорят, что новое имя дает новые силы и новую жизнь. И если тебя нарекли им, не торопись от него отказываться. Значит, так нужно. Для чего - поймешь потом. Но ты должна знать, что о тебе здесь все беспокоятся и волнуются. Ну, не почистила ты зубы сегодня. Ничего же страшного не произошло? Правда? Что ты так переволновалась?

- Я не смогла жука собрать. За меня Наталка собрала, - призналась я.

- Так никто тебя ругать не собирается. Ты же жука в первый раз видишь? Правда? Я вот тоже жуков терпеть не могу.

- Правда?

- Конечно. Запомни - Наталка станет тебе настоящим другом. Она добрая и верная. А тетя Соня заботливая. Ты можешь им сказать, что тебя тревожит, и все. Не бойся.

- Хорошо, - кивнула я.

Тетя Тамара улыбнулась.

- Мне страшно, и по маме я очень скучаю, - призналась я.

- Тише, тише. Ничего плохого с тобой не случится. Я за тобой пригляжу, если что. А плакать не надо. Мама твоя почувствует, что ты плачешь, что тебе плохо, и ей тоже плохо будет.

- Как она почувствует? Она же уехала и бросила меня, - я продолжала всхлипывать.

- Мама тебя не бросила, она о тебе позаботилась. Значит, судьба твоя так решила, чтобы ты здесь оказалась. А с судьбой не надо спорить. Вот что ты

любишь?

- Книжки читать. Но мы все дома оставили. Везти тяжело.

- А ты знаешь, что тетя Соня такие сказки рассказывает, каких ты никогда не слышала?

- Сказки? Я не маленькая.

- А это сказки не для маленьких. Ты слушай и думай. Вот попроси ее вечером тебе рассказать...

- Она согласится?

- Конечно. Ей будет приятно. Я сейчас кое-что сделаю. Ты не пугайся. Так надо. Чтобы всем спокойнее было. Просто молчи. Хорошо?

- Хорошо. А вы еще придете?

- Конечно, приду. И ты ко мне приходи. Наталка покажет мой дом.

В этот момент к нам вернулась тетя Соня, которая несла воду в ковшике и несколько яиц.

Тетя Тамара тут же стала серьезной, взяла яйцо, покрутила над моей головой, потом разбила в воду, помешала пальцем, прочитала какое-то заклинание и вылила все в кусты.

- Все, сглаза нет, - объявила она.

Тетя Соня кинулась меня обнимать и целовать, как будто я выздоровела после смертельной болезни.

- Дай ей чаю, крепкого и сладкого, - сказала тетя Тамара.

- Может, трав еще?

- Я смешаю и принесу. Будешь заваривать.

Тетя Соня кивнула, а тетя Тамара мне подмигнула. Они довели меня до кровати и уложили.

- Соня, свари мне кофе, а то я сейчас тоже упаду, - попросила тетя Тамара.

- А что с Каринкой делать?

- Пусть спит сколько захочет.

- Разве это нормально, чтобы ребенок столько спал?

- Она во сколько встала?

- Поздно. Уже восемь было, начало девятого.

- А в городе они всегда так встают.

- Не понимаю, - тетя Соня схватилась за голову.

- Другой ритм жизни, понимаешь? У них кур нет, которые корма требуют. И петухи не орут, чтоб им пусто было.

- Ну и что? Не понимаю!

- Соня, ты совсем все мозги растеряла? Я тебе поражаюсь! Ты хоть помнишь, что тоже городская?

- Я и в городе рано вставала. Если надо - пусть спит, сколько захочет. Лишь бы здоровая была, - ответила тетя Соня.

- В этом ты права. Не волнуйся, она привыкнет. Через пару дней перестроится. Акклиматизация, новая обстановка, да еще родных рядом нет. У нее такая защитная реакция организма - она теряет сознание, отключается и спит.

- Надо оберег сделать, - сказала решительно тетя Соня.

Я проснулась оттого, что Тамик захныкал в кроватке. Помня о том, что доставать его нельзя, я покачала люльку. К длинной палке были привязаны игрушки, рядом лежала погремушка. Я потрясла ее над Тамиком, и тот начал улыбаться. Так нас и застала тетя Соня.

- Какая же ты молодец! - воскликнула она. - Не то что Наталка. Ее не заставишь с братом сидеть. Сейчас я его покормлю. Да и тебе пора. Иди на кухню, там обед на столе.

Тетя Соня начала разматывать многочисленные узлы, чтобы покормить сына. Я покорно пошла на кухню, где и застала Наталку. Она сидела в углу и вязала крючком.

- Что ты делаешь? - спросила я.

- Мама заставила салфетку вязать. Из-за тебя, между прочим. Слушай, давай ты больше не будешь так делать? Я терпеть не могу вязать, а мама велела три ряда сделать. Чтоб у меня крючок сломался! Мама сказала, что если я еще раз за тобой недосмотрю, то она меня шить заставит. На машинке. Я этого не выдержу. Лучше уж огород копать и дрова колоть, чем шить!

- А мне нравится вязать. Только я на спицах умею. Крючком не умею, - призналась я, разглядывая работу своей подруги.

- Правда? - обрадовалась Наталка. - Давай я тебя научу! Только поешь сначала.

- Что это? - я повозила ложкой в густой белой жиже.

- Ты и правда странная. С неба свалилась? Это мясо с кислым молоком.

- Никогда не ела.

- И вот еще, абрикосы. Мама сказала, что ты никогда абрикосов не видела.

– Спасибо.

Я ела все, что стояло на столе, – и хлеб, и помидоры с крупной солью, – Наталка подсказывала мне, как правильно солить и откусывать. Она продолжала сражаться с крючком и нитками.

– А ты что делала, пока я спала? – спросила я.

– Да как всегда. Кур накормила, кошкам сделала еду, клубнику прополола, полы помыла. Воды принесла с маленькой колонки для Тамика. Мама говорит, что на маленькой колонке самая чистая вода. Белье развесила.

Мне стало стыдно. Пока я дрыхла, Наталка переделала кучу дел. Я и представить себе не могла, что можно столько успеть. Мои обычные домашние обязанности – убрать кровать, пропылесосить, разложить книжки стопочками и помыть за собой одну тарелку – показались сущей ерундой. Я решила во что бы то ни стало помогать тете Соне и Наталке.

Следующий час я вязала крючком, а моя подружка мыла посуду в огромном тазу, оттирая налет песком.

– Ух ты, здорово у тебя получилось! – Наталка разглядывала три ряда, которые я связала. – Ну что, пойдём покажем маме, и побежали. Нас уже ждут, – объявила Наталка, разобравшись с тарелками.

– Где ждут? – ахнула я.

– Так в казаки-разбойники играть!

Наталка выскочила во двор, вылила воду из таза, выхватила у меня из рук недовязанную салфетку и понеслась отчитываться матери. Я побежала следом, чтобы переодеться.

Я решила надеть свое самое красивое платье. Мама мне его подарила на день рождения. Оно было с пышной белой юбкой, с вышивкой. Я в нем казалась себе настоящей принцессой. Мои модные сандалии стояли рядом со шкафом – чисто

вымытые, с пришитым ремешком. Я надела белые колготки, платье, сандалии и заколола волосы заколками. В таком виде я вышла из комнаты, которая была отведена под детскую спальню.

- Кариночка... - ахнула тетя Соня, решив, что я окончательно тронулась умом и тетя Тамара не до конца сняла порчу и сглаз.

- Невеста! - воскликнула Наталка, но без зависти. И меня опять поразило это ее качество - не завидовать, а искренне восхищаться.

- Кариночка, а ты куда собралась? - Тетя Соня говорила со мной так ласково, как будто я была тяжело больна.

Я посмотрела на Наталку. Та тоже ждала ответа не без интереса.

- В казаки-разбойники играть, - прошептала я.

Наталка согнулась в три погибели и начала хохотать.

- Бедная девочка. Все-таки на тебе порча сильная. Ничего, тетя Тамара сделает тебе оберег, - запричитала тетя Соня. - Надо еще отвар взять, сразу легче станет. Тетя Тамара очень хорошие отвары делает. Я прямо сейчас к ней пойду, не могу ждать, когда ребенок так болеет. Наталка, пока я не вернусь, из дома - ни ногой. Смотри за Тамиком. И за Каринкой, - добавила тетя Соня и потрогала мне лоб.

- Ну, маааам! - завопила Наталка.

- Я останусь, - сказала я, - пусть Наталка идет, а я с Тамиком посижу.

И тетя Соня, и Наталка оторопело уставились на меня, как будто я сказала что-то ужасное. Даже страшнее, чем ужасное.

- Я побежала, - Наталка очнулась первой и выскочила из дома.

- Наталка! - закричала ей вслед тетя Соня. - Завтра двор будешь мести!
И за воротами тоже! Белье перегладишь все! И еще два ряда салфетки свяжешь!

- Хорошо, мам! - крикнула Наталка.

- Ты такая добрая, такая хорошая, - Тетя Соня прижала меня к груди.

- Почему вы плачете? - спросила я.

- Не плачу. Сейчас сбегая к тете Тамаре и сразу вернусь. Ничего, все будет хорошо. Мы тебя вылечим. Ты раздевайся пока и ложись. Покачай Тамика и ложись. Я быстро.

Тетя Соня, утирая на ходу слезы, выскочила вслед за дочерью. Наталка была прыткая в мать. Они даже бегали одинаково - прижав локти к телу.

Я переоделась, не понимая, чем так напугала тетю Соню и Наталку и почему им не понравилось мое платье, покачала люльку и легла в кровать. На Наталку, которая убежала играть, я не обижалась - мне хотелось провалиться в перину и уснуть. К тому же я была не готова к новой встрече с Мишкой. Мне очень хотелось его увидеть, но в то же время я боялась сделать что-то не так. Я ворочалась на мягкой перине, но сон не шел.

Тетя Соня вернулась быстро. Она налила мне в кружку мутную жидкость, которая оказалась совсем не противной, даже вкусной.

- Пахнет хорошо, - сказала я.

- Это же мята, - улыбнулась тетя Соня. - Ты ведь знаешь, что такое мята?

- Как в конфетах, да? - уточнила я.

- Бедная девочка, совсем тебе плохо. Ну откуда же мята в конфетах? Мята - это такие листочки, они как кустики растут. Нужно листочки собирать и в чай добавлять. Или отвары делать.

- Теть Сонь, а расскажите мне сказку, - попросила я.

- Сказку? - улыбнулась тетя Соня.

- Да. Я на ночь всегда читала. А книжки дома остались.

- Хорошо. Ложись. Про кого тебе сказку рассказать?

- Не знаю. Вашу любимую.

- Тогда про мыша.

- Мышку?

- Нет, гордого мыша-юношу, который решил жениться. Значит, жил-был на свете один мыш. Мыш как мыш, только очень гордый. Когда пришло время ему жениться, не захотел он брать в жены обычную серую мышку. Захотел мыш породниться с сильнейшим, чтобы самому стать самым сильным и гордиться. И сказал он родителям, что в жены возьмет только ту, у которой отец – самый сильный в мире. Пошел он к месяцу. Ведь месяц – очень сильный, целое небо освещает. Пришел мыш к месяцу и попросил отдать ему в жены дочь. Но месяц сказал, что он самый сильный только ночью. «Кто же сильнее тебя?» – спросил мыш. «Солнце, – ответил месяц. – Как только оно появляется, я сразу скрываюсь». И мыш пошел свататься к дочери солнца. Солнце, услышав мыша, сказало, что оно не самое сильное. Есть и посильнее – туча. Когда она набегает, солнце перестает светить. Тогда мыш пошел к туче. «Что? Ты хочешь породниться с самым сильным? Да, я сильная, но есть и посильнее меня – ветер. Он только дунет, и нет меня», – сказала туча. Гордый мыш пошел к ветру. «Раз ты можешь унести самую сильную и большую тучу, я хочу жениться на твоей дочери. Ты самый сильный на свете», – сказал мыш. «Да, я сильный. Но есть и посильнее меня – гора. Хочешь породниться с самым сильным? Иди к горе. Она от любого ветра укроет и защитит. Не страшны ей ни солнце, ни ветер, ни тучи с дождями». «Отдай за меня свою дочь», – обратился мыш к горе. «Да, была бы я самой сильной, если бы не мыши. Вон, всю меня прогрызли, норы свои устроили. А захотят – совсем меня развалят. Мыши – самые сильные», – ответила гора. Гордый мыш вернулся домой и женился на серой мышке.

- Тетя Соня, это значит, что нельзя мечтать о принце? И история про Золушку – только сказка? – спросила я. – Если мыш все равно женился на мышке, значит, и люди так же?

– Ох, да что у тебя в голове творится? – снова забеспокоилась тетя Соня. – Конечно, можно мечтать. Только принц для каждой девушки свой.

– А дядя Давид для вас принц?

– Ну, можно сказать и так.

– Но вы же в селе живете. Значит, вы тоже мышка?

– Знаешь, иногда и мышкой быть очень хорошо. И можно быть счастливой. Особенно если у тебя вокруг полно вот таких мышат, как вы. Все, спи!

Утром я проснулась очень рано. Думала, что раньше всех в доме, но оказалось, что на летней кухне уже собралась вся семья, включая Тамика, который сидел на коленях у мужчины.

– Каринка, смотри, что мне папа принес! – взвизгнула Наталка, увидев меня, и показала на гору конфет, которые лежали на столе. Я не слышала, когда она вернулась вечером, и удивилась, что подружка встала даже раньше меня. Может, она вообще умеет не спать? – Мама сказала, что тебе конфеты тоже можно, – объявила Наталка.

– Значит, ты та самая Карина, – строго сказал мужчина, который сидел во главе стола.

Я кивнула, соглашаясь на новое имя, как советовала тетя Тамара.

– Ну, давай, налетай! – Строгий мужчина оказался совсем не строгим и глазами показал мне на конфеты. – Меня, кстати, зовут дядя Давид.

– Очень приятно, – вежливо ответила я. – Но ведь до завтрака нельзя сладкое...

– Ну вот, единственный разумный человек в доме появился! – воскликнула тетя Соня и поставила передо мной тарелку с творогом и банку варенья. – Не считая меня, конечно же. Вот ты мне объясни, – обратилась она к мужу, – как можно было уйти на юбилей и вернуться через три дня?

– А ты волновалась, моя птичка? – заулыбался мужчина.

– Я тебе не птичка. Нет, не волновалась, – дернула плечом тетя Соня. – Только что я должна говорить детям? И нужно привезти уголь. Еще починить забор, который около кукурузы. Да, еще передвинуть кровати в спальне, чтобы девочкам было удобнее, а то я боюсь, что Карина головой о шкаф ударится. У нее и так голова больная, если еще у нас будет биться ею о шкаф, что я тете Тамаре скажу? Мясо нужно привезти, я сама должна мясо возить? Совсем меня бросил. Чем мне детей кормить? И убери щебенку от ворот, уже три недели лежит.

Тетя Соня продолжала перечислять список домашних дел. Дядя Давид кивал, но успевал строить рожицы нам с Наталкой и щекотать Тамика. Мы прыскали от смеха, Тамик гулил и норовил сдернуть со стола скатерть. Чем, конечно, все и закончилось. Тамик ухватился за край и потянул на себя. Кувшин с молоком упал.

– Это не я! – тут же сказал дядя Давид. – Это Тамик!

– Господи, у всех мужья – нормальные мужчины, а у меня клоун! – воскликнула тетя Соня. – Все, идите все отсюда. Я убирать буду. Наталка, заberi брата. И воду надо наносить. Яйца собери – неужели не слышишь, что куры кричат. Они скоро охрипнут, пока тебя дозовутся! И я скоро охрипну! Почему меня никто не слушается? Почему я должна по сто раз одно и то же повторять? Я же не попугай!

– Ты моя птичка, – ласково сказал дядя Давид.

– Наталка, двор подмети, и не так, как вчера! Около деревьев кто листья оставил? Только потом конфеты получишь! Белье с веревокними! Оно там сколько должно висеть и тебя дожидаться? И запомните, никто со двора не выйдет, пока все дела не сделаете! Я так сказала! Или я не знаю, что сделаю!

Наталка одной рукой подхватила Тамика, а другой успела запихнуть в карман платья несколько конфет со стола. Дядя Давид встал так, чтобы загородить от жены проделки дочери, и даже помогал, пряча конфеты за спиной и тайком передавая их Наталке. Они понимали друг друга без слов. И явно не в первый

раз проделывали такой трюк. Под шумок дядя Давид тоже собирался выйти из кухни, но тетя Соня его остановила:

- А с тобой я еще не закончила! - прикрикнула она на мужа.

- Птичка моя, - начал канючить дядя Давид, - я так устал, так устал. Три дня не спал. Я пойду, а?

- Отчего ты устал? Араку пить? Вот пока все не сделаешь, никаких юбилеев, поминок и свадеб! Или я тебе сама поминки устрою! Попрошу у Тамары отвар и в харчо подолью! Ты меня знаешь!

- Птичка, ну что ты так рассердилась? - Дядя Давид попытался обнять тетю Соню, но та сдернула его руку - правда, мягко.

- Не заговаривай мне зубы. Я три дня тебя ждала, чтобы все это сказать!

- Птичка, ну какие юбилеи и свадьбы? Ничего даже не предвидится. Я тебе клянусь, никто не собирается жениться и умирать! Уж я точно знаю! Я весь твой!

В этот момент в ворота постучали. Мы с Наталкой побежали открывать. На пороге стоял мальчик с длинной палкой, которой и стучал по воротам.

- Дядя Давид! - крикнул мальчик. - У дяди Роберта сын родился! Сказал, чтобы ты вечером приходил! Отмечать будут.

Дядя Давид заметно оживился, но тетя Соня взглядом пригвоздила его к стулу.

- Птичка моя, видишь - все как ты хотела. Не поминки, не свадьба, но ведь сын родился! Этого в твоём списке не было. Не могу же я Роберта не поздравить. Он так сына ждал, так ждал. Сама знаешь, три девочки подряд, и вот такой подарок!

- Если ты сделаешь хоть шаг из дома, я за себя не отвечаю! - закричала тетя Соня.

- Птичка моя, ну что ты кричишь, как противная птица, - обнял ее дядя Давид.

Наталка потянула меня за руку, и мы скрылись в доме.

- Не обращай внимания, они всегда так, - зашептала подруга. - Мой папа такие тосты знает, какие никто не знает. Так долго может говорить, никто так не может. Вот его и зовут все. А мама сердится. Слушай, давай сейчас быстро все сделаем и вечером пойдем на плантацию. Мишка и тебя звал.

- Мишка? - промямлила я. - Какую плантацию?

- Орехи! Какие еще бывают плантации? Будем орехи воровать!

- Какие орехи? - Я думала о Мишке, который позвал меня воровать. Может, это считается свиданием?

- Грецкие. Ладно, пойдем в курятник. Яйца соберем.

Наталка подскочила и понеслась по двору. Мне ничего не оставалось, как побежать следом.

В курятнике Наталка по-своему отогнала петуха и полезла в деревянные ящики, выложенные соломой, в которых неслись куры. Так же бесцеремонно согнав курицу, она доставала яйцо, еще теплое.

- Будешь? - предложила она мне.

- Что?

- Ты что, яйца никогда не пила?

- Нет.

Наталка тяжело вздохнула, но не стала меня спрашивать, не свалилась ли я с луны и как в городе не может быть яиц... Она проворно тюкнула яйцо о край ящика, отковырнула скорлупу пальцем, сделав аккуратную дырочку, и протянула мне.

- Пей, это вкусно. Жаль, соли нет.

Я попыталась выпить яйцо, но у меня ничего не получилось.

- Ты втяни в себя, - посоветовала Наталка.

Сырое, теплое яйцо было действительно вкусным. Даже сладким.

Я и не подозревала, что яйца могут быть сладкими. Наталка, удостоверившись, что я справилась с нелегкой задачей, продолжила заглядывать в другие ящички и собирать яйца. Подойдя к последнему, она ойкнула и закричала.

- Котята, котята! Смотри!

На мягкой соломе вместо яиц лежали котята, еще слепые. Они пищали и тыкались друг в дружку носами. Наталка взяла одного и прижала к груди.

- Это Багира родила, - пояснила моя подруга. - Видишь, тут черненькие есть. Ой, мама меня убьет. Надо их спрятать.

- Зачем?

- Как зачем? У нас знаешь сколько кошек? Шесть. И этих четыре. Такие лапочки. Мама ни за что не разрешит их оставить.

- Давай я попрошу.

- Давай! Тебе она точно разрешит. Ой, надо Багиру покормить. Побежали.

Наталка аккуратно положила котенка назад, схватила корзинку с яйцами и побежала к калитке курятника, распугав всех кур по дороге. Наталке и дела не было до того, что бедные птицы бежали со всех ног, теряя перья и кудахтая на весь двор. На летней кухне моя подруга взяла миску со вчерашней похлебкой, крошила в нее остатки хлеба и вынесла во двор.

- А где кошки? - спросила я.

– Пойдем, сейчас увидишь.

Мы зашли за летнюю кухню, и Наталка поставила миску с едой на землю.

– Кис, кис, кис, – позвала она. И тут же, через секунду, рядом с нами появились все шесть кошек. Я могла поклясться, что их не видела. Они как будто из воздуха появились.

– Вот, это Багира. – Наталка подхватила под живот черную как смоль кошку, которая покорно дала себя чмокнуть в нос. Правда, когда я попыталась ее погладить, Багира выпустила когти и оцарапала меня. – Ешь, тебе еще котят кормить. – Наталка опустила кошку на землю и отогнала ногой других кошек, чтобы Багира могла насладиться завтраком. – Ладно, про котят пока никому. Пойдем двор подметем. – Наталка шагом «полечка» проскакала к сараю и вытащила два огромных веника.

– Выбирай, ты на улице или здесь, во дворе? – спросила она.

– А зачем на улице подметать? – удивилась я.

– Ты что? На улице – самое главное! Чтобы соседки маме не пожаловались.

– Я не знаю...

– Иди на улицу. Там меньше подметать. И вот – возьми хороший веник, а я с этим. Только обязательно до самой дороги подмети. И под лавочкой тоже.

Я взяла веник и вышла за ворота. Начала подметать, уж как умела. Дома у нас пылесосили, так что подметала я не так чтобы прытко, но усердно, как велела Наталка.

Вдруг из ворот выскочила моя подружка, схватила за руку и потащила в дом.

– Что? – не поняла я. – Что случилось? – На Наталке лица не было.

Около дома нас ждала тетя Соня, уперев руки в боки.

– Каринка, скажи, что ты сама согласилась! – прокричала Наталка.

– Что согласилась?

– Подметать!

– Да, я сама, – подтвердила я, думая, что опять всех подвела, раз так плохо подметала, а как хорошо – не знала.

– Господи, что за девочку ты мне послал? За что мне такое наказание? – воскликнула тетя Соня. – Почему ты меня позоришь? Разве я плохо тебя воспитываю? Мало того, что ты с ребятами бегаешь, как какой-нибудь мальчишка, так еще и дома меня позоришь!

– Мне папа разрешил с мальчишками гулять, – вставила Наталка. – Что я, виновата, что с ними интереснее, чем с девочками?

– Только не напоминай мне про своего отца, а то я за себя не ручаюсь! – тетя Соня изобразила руками, как душит то ли дядю Давида, то ли Наталку.

– Что я не так сделала? – спросила я, воспользовавшись паузой.

– Да опять соседки болтают много, – хмыкнула Наталка. – Ты, говорят, больная, ходить не можешь, болезнь у тебя страшная, неизлечимая, а мама тебя выставила за ворота подметать.

– Я не болею, – сказала я.

– Теперь они считают, что я тебя работать за еду заставляю, – ахнула тетя Соня. – Ну что за бестолковые?!

– Вот поэтому я с мальчишками и дружу, – заявила Наталка. – А Каринка не болеет! Она яйцо выпила в курятнике, только не знала, как это надо делать. Но это же не болезнь! А потом мы котят нашли. И Багиру пошли кормить, она же их родила. Четверых. Двое черненьких, один с белой полосочкой, один пятнистый. И Каринка ни разу не заболела! Я за ней следила! Ой! – Наталка присела от ужаса, поняв, что сболтнула лишнее.

- Каких котят? Где? - тут же переключилась тетя Соня.

- В курятнике, - промямлила Наталка. - Mam, только не топи их, пожалуйста. Пусть останутся. Они такие хорошенькие, такие маленькие. Как Багирка, точь-в-точь. Mamочка, я все-все буду делать, только не топи их.

- Как это - топить? - подала голос я.

- O господи! Наталка, что ты со мной делаешь? Знаешь что? Я тебе скажу - ты мне руки выкручиваешь! И позоришь на все село! - закричала тетя Соня и выхватила у нее веник. - Я тебе сто раз говорила, что мы не можем больше котят оставлять.

- Mamочка, не надо! Пусть дядя Жорик их не топит! Помнишь, как в прошлый раз Багирка ходила и звала котят. Даже есть отказывалась! Ты сама ее жалела и говорила, что больше ни одного котенка у нее не заберешь! Пожалуйста, не отдавай котяточек! Багирка плакать будет. Помнишь, как она мяукала, как их искала? Ты говорила, что у тебя сердце из груди выскакивает!

- Что ты со мной делаешь? Хочешь, чтобы у меня опять сердце выскочило? Думаешь, мне котят не было жалко? Или я не мать? Что ты такое обо мне думаешь? Что я злая? Еще скажи, что я тебя плохо воспитываю! Зачем ты Каринку за ворота отправила? Мало мне разговоров про тебя, теперь еще и Каринке достанется! А кто виноват? Я виновата! Одну девочку не могу воспитать, теперь над второй издеваюсь! Вот что про меня говорят! - тетя Соня, утирая слезы, бегала по двору за дочерью, пытаясь достать ее веником.

- Mamочка, - Наталка скакала по двору, как горная козочка, проворно увертываясь от попыток матери шлепнуть ее по попе веником, - ну что ты так волнуешься? Каринка здоровая, а котята много есть не будут.

- Мне соседки сказали, что я больную девочку работать заставляю! Что мне ребенка доверили несчастного, а я о нем не забочусь! Все уже сказали! Никто не промолчал! Она же веник держать не может! Ты куда смотрела? А теперь ты говоришь, что я котят голыми руками могу убить! Да как тебе не стыдно так думать!

– Я умею держать веник! – заплакала я. Мне стало обидно и за себя, и за Наталку, которая дала мне лучший веник и легкую работу, взяв себе тяжелую, и за котят, которых должны были утопить. – Тетя Соня, пожалуйста, не бейте ее, это все я. Я научусь. Обещаю.

– Кариночка! Зачем же ты плачешь, девочка? – остановилась тетя Соня. – Да разве тебя кто-то ругает? Разве ты виновата? Тебе больно где-то? – Тетя Соня бросила веник и склонилась надо мной. – Девочка, ну что ты? Я же не со зла! Ты так из-за котят расстроилась? Да оставлю я вам котят! И подметать тебя Наталка научит, если захочешь. Только не плачь.

Я не могла остановиться, слезы лились сами по себе.

– Мне не больно, а обидно, – призналась я, – и стыдно.

– Разве от этого плачут? – ахнула тетя Соня.

– Тетя Тамара говорит, что можно плакать от обиды, – сказала Наталка, – а то все обиды скопятся, как камни в груди, и задавят тебя. И ты умрешь.

– Нельзя у нас женщинам плакать. Понимаешь? – Тетя Соня погладила меня по голове и вытерла мне лицо фартуком. – Иначе все глаза выплечешь, и потом плохо будет, когда горе настоящее случится. Захочешь плакать, а не сможешь – слез не останется. Тогда совсем тяжело станет. От невыплаканных слез умереть можно.

– Это мальчики не должны плакать, – сказала я.

– Нет, девочки не должны плакать. – Тетя Соня взялась заплетать мне косу. – Девочки должны быть сильнее самых сильных мальчиков. Вот если я заплачу, что будет? Тамик испугается и тоже будет плакать. Наталка заплачет. Ты испугаешься. Пока мы плакать будем, кто делами по дому займется? А если еду готовить без настроения, то она вся горькая получится. Как будто перцем посыпанная и кислая от соли. Слезы ведь горькие и соленые. Захочешь пирог испечь, так тесто не подойдет, если о другом думать будешь. А потом? Придет дядя Давид домой, увидит, что ему никто не рад, что все плачут, и что он сделает? Обидится, конечно. Ему будет неприятно. Да еще еда – горькая и кислая. Он тоже расстроится. Будет думать, что из-за него все плачут. Тогда

зачем делать так, чтобы все плакали и расстраивались? От женщины все зависит – и дом, и еда, и настроение. Так что не надо плакать. В доме должно быть радостно. Еда должна быть вкусной. А девочки и женщины должны улыбаться. Когда девочка улыбается, сразу красивой становится. А если плачет, то у нее нос распухает, глаза. Никто на такую даже не посмотрит. Женихи будут стороной дом обходить.

– А как же царевна-несмеяна? – уточнила я.

– Так она царевна, – улыбнулась тетя Соня. – И еще неизвестно, как они дальше жили. Рассмешить девушку – это полдела. А вот мясо в дом привезти, уголь достать да шифер положить – тут настоящий мужчина нужен.

– А соседки про вас будут из-за меня плохо говорить, – хлюпала носом я.

– Ничего, все успокоится, соседки поговорят да новую тему найдут. Ты только за воротами больше не мети. Лучше посуду мой или курам корм задай. Наталка тебя научит. А если не хочешь, то найди себе занятие по душе – можешь грядки полоть. Вот я очень люблю цветы сажать. Сразу успокаиваюсь. Видела, какой у нас палисадник красивый? Цветы меня очень успокаивают – посажу кустик, прополю, и сразу на душе хорошо. Захочешь, я и тебя научу цветы сажать.

– Мне все нравится, – сказала я.

– Вот и умница, – обрадовалась тетя Соня и прижала меня к себе. – Бедная, бедная девочка. Ничего, вот тетя Тамара придет, еще заговор прочитает, траву даст, и ты поправишься. Все хорошо будет. Все хорошо.

– Мам, а что с котятами? Мы их правда оставляем? – спросила Наталка, выбрав самый удобный момент. Тетя Соня, которая сидела на коленях и гладила меня по голове, никак не могла бы решиться утопить бедных-несчастных новорожденных котятчиков. Расчет оказался верным.

– Сама будешь их кормить. И чтобы в курятнике я их не видела! – заявила тетя Соня.

– Птичка моя, а что случилось? Что за переполох? Если опять Наталка, то не ругай ее! – Из дома вышел дядя Давид в белой отутюженной рубашке и парадном костюме.

– И чтобы два, нет, три ряда салфетки связала! – велела тетя Соня, решив не посвящать мужа во все бытовые подробности. – И ты, Карина, тоже!

Мне кажется, именно в этот момент тетя Соня решила для себя, что у нее не одна дочь, а две. Я же была совершенно счастлива оттого, что меня теперь считают своей и не делают скидку, не жалеют и тоже наказывают. Ведь я была виновата – плохо подмела за воротами.

Наталка застонала. Мы пошли на зимнюю кухню, которая в летнее время служила гладильной, подсобкой и кладовой.

– Кто сказал, что девочки должны вязать и шить? Кто это придумал? Терпеть не могу! – возмущалась Наталка, усаживаясь на низкий стульчик.

– Давай я за тебя свяжу, – предложила я.

Вязание крючком мне давалось легче, чем подметание. Только я боялась признаться Наталке, что мне это еще и нравилось. Моя подружка с радостью отдала мне свое вязанье и принялась сооружать что-то непонятное. Она взяла длинную нитку, булавку и, порывшись в кармане платья, достала железную гайку. Прodela нитку сквозь ушко булавки, примотала на один конец гайку, измерила, отрезала.

– Что ты делаешь? – не выдержала я.

– Как что? – удивилась Наталка. – Мы же сегодня за орехами идем, ты что, забыла? Только маме скажем, что в классики будем прыгать.

– Хорошо, – ответила я, хотя в классики я прыгать умела и была бы не против провести вечер именно за этим занятием.

– Смотри, – Наталка показала готовое устройство. – Это для сторожа. Там сидит дядя Жорик, он вообще-то добрый, только нервный. Правда, когда котят топят,

он злой. А так – нормальный. Иногда из ружья стреляет. Правда, не по-настоящему. Мишка говорит, что дробью, а другие ребята – что солью с перцем. Если в попу попадет – месяц ходить не сможешь! Только я не знаю – правда это или враки. Никогда дядя Жорик в нас не попадал. Стрелял часто, только он мазила. И вот – держи.

Наталка протянула мне наволочку и длинную веревку, как канат.

– Зачем это?

– А как ты будешь орехи собирать? – удивилась моя подружка.

– Срывать с ветки.

– А до ветки ты как достанешь?

– Не знаю.

– И куда ты орехи положишь?

– В карман.

Наталка приснула от смеха.

– Веревку забрасываешь на нижнюю ветку, вот так, – она изобразила, как забрасывает, – подтягиваешься по ней и уже с ветки лезешь вверх. Наволочку нужно к поясу привязать, только покрепче. Вот так, – она затянула мне наволочку, сделав удобный мешочек спереди. – Потом все орехи поделим поровну. Жаль, нельзя потренироваться, мама увидит. И не наряжайся, как на первое мая. У тебя есть какие-нибудь штаны?

– Белые, – промямлила я.

– Ладно, мои наденешь. Только сверху юбку, чтобы мама не заметила. Поняла?

– Да.

– Ничего себе! Ты довязала? Я бы так быстро не смогла. – Наталка посмотрела на салфетку, которая заметно прибавила в окружности. – Теперь пойдем белье выкрутим, и все!

Наталка подскочила, скомкав две связанные крючком салфетки, которыми я не могла налюбоваться. Если честно, я хотела сидеть и спокойно вязать, а не готовиться к краже орехов. И вправду, почему Наталка такая неугомонная?

Но мне пришлось бежать вслед за ней во двор – к постоянному бегу на короткие дистанции я начала привыкать. Наталка в это время выволакивала из сарая что-то большое и громоздкое.

– Ой, это же стиральная машина! – радостно воскликнула я.

– Ну да, – ответила, пыхтя, моя подружка.

– А почему тетя Соня на руках стирает?

– Мама говорит, что на руках быстрее и надежнее. Все пятна отстирываются. А в машинке белье только туда-сюда мотается, а толку никакого. Давай ты будешь белье держать, а я крутить.

Мы отжимали белье на двух валиках, которые были прикреплены к стиральной машине. Я держала простыни и полотенца, просовывая их между двух валиков, а Наталка крутила ручку. Потом мы развесили белье на веревке – моя подружка говорила, что за лишнюю складку мама заставит нас вязать по три ряда.

– Мам, мы все сделали, можно, пойдем гулять? – залетела Наталка в дом.

– Что ты орешь? Тамик только уснул, – прикрикнула на дочь тетя Соня.

Мы проскочили в комнатку, где я надела вытащенные Наталкой из шкафа штаны и майку, а сверху подруга натянула на меня юбку.

– Сойдет, – подвела итог она.

– Я похожа на пугало. Если он меня такой увидит... – проямлила я.

- Подожди, волосы заколи. Если в ветки попадут, лысая будешь, – заявила Наталка. – А теперь надо тихо улизнуть, а то мама заставит за хлебом бежать.

Моя подружка посмотрела на окно с ободранным подоконником. Судя по застарелым и въевшимся в краску следам грязи, она не раз и не два пользовалась этим путем для отступления.

- Сможешь вылезти? – спросила она меня.

- Не знаю, – честно призналась я.

- Ладно, давай через дверь, – решила Наталка.

Мы по стеночке прошли мимо большой комнаты, в которой тетя Соня укачивала Тамика, и выскочили на кухню, где столкнулись с дядей Давидом.

- Ой, пап, напугал, – выдохнула моя подружка.

- Это вы меня напугали – выпрыгнули! – Дядя Давид схватился за сердце. – Я уж думал, это мама. А вы куда собрались?

- Орехи воровать у дяди Жорика, – не стала скрывать Наталка.

- А сторожок взяли? – деловито уточнил дядя Давид.

- Вот. – Наталка показала булавку с ниткой и гайкой.

- Молодец, вся в меня! – Дядя Давид рассмотрел приспособление и остался доволен.

- А ты куда? – спросила Наталка.

- К дяде Роберту. Забегайте, там торт будет.

Наталка серьезно кивнула.

- Ну что, вместе или я первый? – спросил дядя Давид.

- Или вместе, или мы первые! А то в прошлый раз ты сбежал, а меня мама поймала, – заявила Наталка.

- Давай камень-ножницы-бумага, – предложил дядя Давид.

- Нет, я опять проиграю. – Наталка отвернулась.

- Каринка, давай с тобой. – Дядя Давид выставил руку.

- Она не умеет, – сказала Наталка.

- А вот и умею. – Я тоже выставила руку. И, как ни странно, показала бумагу, которая накрыла камень дяди Давида.

- Ура! Мы первые! – обрадовалась Наталка. – У Каринки рука везучая!

- Это я специально поддался, – сказал дядя Давид.

- Тихо вы там! – раздался крик тети Сони.

Дядя Давид с Наталкой аж присели от страха.

- Ой, – сказал дядя Давид и выскочил за дверь.

- Папа, так нечестно! – заорала Наталка и кинулась следом. – Мы должны были быть первыми! Ты проиграл!

Наталка продолжала орать на весь дом от возмущения. Мне ничего не оставалось, как кинуться за ними следом.

Отец и дочь пытались одновременно втиснуться в калитку, пихаясь и отталкивая друг друга. Наталке удалось проскочить первой.

- Вы куда? - Во двор выбежала тетя Соня. - Можете не возвращаться! Оба! Даже на глаза не показывайтесь! Что же за наказание такое! Давид, если ты сейчас не вернешься, я кормить тебя не буду. Вот клянусь! Наталка, если ты попадешь в историю, я заставлю тебя ходить в платьях. Неделю! Нет, две недели! И косу тебе отстригу, слышишь?

- Мам, мы в классики прыгать! - прокричала Наталка.

- Птичка моя, я на полчаса к Роберту! Только поздравлю - и сразу домой! - крикнул в свою очередь дядя Давид.

Дядя Давид бодрым шагом, стараясь не бежать, свернул направо, а мы с Наталкой со всех ног улепетывали налево.

Мы бежали, как мне показалось, долго, пока не оказались на краю села - во всяком случае, домов там не было. Нас уже ждали Мишка и другие ребята.

- Ну что, принесла? - спросил Мишка.

- Вот. - Наталка показала приспособление.

- Молодец, - похвалил Мишка, разглядев сторожок.

Мы двинулись по дороге.

- А почему тетя Соня пообещала тебе косу отрезать? - спросила я.

- Ты что, девочка без косы - это позор. Женщины говорят, что вся красота - в волосах, но я в эти сказки не верю. Резать можно, только если у тебя вши завелись и их ничем не вытравишь. А так - нельзя. Но я бы сама давно отрезала. Вот когда у меня короткие волосы были, так было удобно! Но тогда вши завелись, а сейчас - нет. Я пыталась их нарочно завести, но не получается. У Тимура вши были, он мне дал троих, но у меня они не прижились. Даже не знаю почему. У всех прижились, кроме меня. В последний раз почти завела, но это блохи оказались, от Багирки. Мама мне голову керосином помыла и мылом дустовым, и все. Да еще тетя Тамара какую-то грязюку принесла вонючую.

Мне ей голову намазали и полотенцем обернули. Я два дня в этой грязюке ходила. Так чесалось, что я чуть без головы не осталась. Терпеть не могу свои волосы! Тихо, почти пришли.

Мы оказались у большого забора.

- Это плантация, - шепнула Наталка.

- Кто будет дядю Жорика доводить? - спросил Мишка.

- Мой сторожок, я и буду, - ответила Наталка.

- И я с ней, - пискнула я. От страха очень хотела в туалет и домой - вязать салфетку. Или скакать в классики. Но я решила, что с подружкой мне будет спокойнее и надежнее. Да и в своем наряде - старых спортивных штанах, порванной майке Наталки и своей собственной нарядной юбке - я чувствовала себя чудищем-страшилищем и совершенно не собиралась оставаться в таком виде с Мишкой наедине. Вряд ли бы я ему понравилась. По требованию Наталки я собрала волосы в хвост и страдала оттого, что у меня торчат уши - мои уши мне совсем не нравились, и уж конечно же, они не могли понравиться Мишке. Мне были нужны волосы - ими я прикрывала уши. Я не могла понять, как Наталка может мечтать о том, чтобы мама отрезала ей роскошную длинную косу, которую она заматывала в ужасный пучок, а вместо заколки использовала магазинную черную резинку.

Тетя Соня накануне усадила нас мыть головы, и я видела, как в таз с водой из Наталкиной роскошной шевелюры падают мертвые пчелы, ветки, листки, куски грязи и даже гусеница. Тетя Соня ахала и скребла голову дочери. Та только кричала, что ей больно. Но тетя Соня продолжала прополаскивать волосы неведомыми отварами и расчесывала своим красивым деревянным гребнем.

- Mam, ну хватит, - стонала Наталка.

А мне было приятно. Мама никогда мне так голову не мыла и не расчесывала волосы. Быстро проходила щеткой, и все. А тетя Соня разбирала по прядям, смачивала каким-то маслом, расчесывала медленно, отчего волосы у меня начали виться и пахли так приятно, как никакой шампунь не пах.

– Волосы у девочки должны струиться, как горная река, – приговаривала тетя Соня, – быть сильными, как канат, и мягкими, как шелк.

– Тетя Соня, а у меня будут такие волосы? – спросила я, понимая, что моей куцей косице далеко до горной реки и уж тем более до шелка.

– Обязательно будут, – пообещала тетя Соня. – Вот мы у тети Тамары возьмем специальный отвар, и я буду тебе волосы ополаскивать. У тебя будут самые длинные и густые косы.

– Давайте, пора! – отдал команду Мишка, и Наталка юрко нырнула в лаз. Мне пришлось лезть следом. Моя подружка, как ящерица, поползла по тропинке, ведущей к маленькой сторожке, прижалась к стене и воткнула в оконную раму булавку. Потом осторожно стала отползать назад, разматывая нитку.

Оказавшись рядом с забором, Наталка потянула за нитку. Около окна сторожки раздался глухой стук – гайка стучала по стеклу.

Из домика вышел мужчина.

– Кто тут? – крикнул он.

Я перепугалась насмерть, а Наталка захихикала.

Сторож постоял на пороге и вернулся в дом. Наталка, выждав несколько минут, опять потянула за нитку. Гайка застучала по стеклу.

Сторож опять вышел из дома.

– Кто тут? А ну, сейчас ружье возьму! – крикнул он в темноту.

В этот момент мне больше всего на свете захотелось вернуться к вязанию в теплый дом тети Сони и качать люльку с Тамиком. Я начала отползать.

– Ты куда? Еще рано! – зашипела на меня Наталка. Пришлось подчиниться.

Сторож тем временем вернулся в дом, и моя подружка опять потянула за нитку.

- Выходи, кто там? – закричал появившийся на пороге сторож. – Выходи, будь мужчиной! Дай я посмотрю, кто ты! Ты думаешь, самый умный? Да когда ты на свет еще не родился, я твоему отцу уже уши обрывал! И тебе в попу дробью попаду! Рука не дрогнет. Или ты хочешь, чтобы я к кустам пошел? Я уже иду! Слышишь?

Я дрожала как цуцик. У меня даже зубы стучали. А Наталка оставалась спокойной как танк. Нет – как целая танковая дивизия.

- Дядя Жорик уже сторожем был, когда мой папа орехи воровал, – прошептала Наталка. – Это он меня научил гайкой стучать. Мы раньше палкой стучали. Дядя Жорик меня один раз уже ловил. Мама меня заставила тогда целую салфетку связать!

- А зачем стучать? – спросила я, втайне надеясь на то, что дядя Жорик дойдет до кустов, поймает нас, и мы с Наталкой будем обречены на вязание салфеток. Желательно на неделю. А то и на месяц.

- Смотри, что дальше будет, – шепнула моя подружка, снова потянув за нитку.

Дядя Жорик вышел на крыльцо и закричал:

- Делайте что хотите, только не стучите больше! Телевизор не даете смотреть, хулиганы. Там такое кино показывают, а вы меня бегать туда-сюда заставляете. Что я вам, мальчик, что ли? Бегать за вами! Пусть ваши родители следят! Если кто-то с дерева упадет и ноги-руки себе переломает, так им и передайте – дядя Жорик тут ни при чем. Так и скажите! Он кино смотрел. Все!

- Теперь можно идти, – сказала Наталка, и мы поползли назад.

- Пошли! – дал отмашку Мишка.

Вся компания ловко пролезла в дырку в заборе, и через минуту ребята уже сидели на нижних ветках. Я стояла под деревом и пыталась забросить веревку на нижний сук. Наконец мне это удалось, что я сочла просто героическим

поступком. Я видела, как Наталка, вцепившись в веревку, ловко закинула ногу на ветку, подтянулась, снова закинула ногу и уже добралась чуть ли не до верхушки дерева.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Саман (тюркск. букв. – солома) – строительный материал из глинистого грунта с добавлением соломы или других ингредиентов, высушенного на открытом воздухе.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/masha-traub/nasha-devochka-kupit>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)